

**СДЕЛАНО
В СССР**

**ЛЮБИМЫЙ
ДЕТЕКТИВ**

АРБАТСКИЕ ПОДВОРОТНИ

Александр Купешов

Сделано в СССР. Любимый детектив

Александр Кулешов

Арбатские подворотни

«ВЕЧЕ»

1990

Кулешов А. П.

Арбатские подворотни / А. П. Кулешов — «ВЕЧЕ»,
1990 — (Сделано в СССР. Любимый детектив)

ISBN 978-5-4484-7807-9

Остросюжетный роман известного московского писателя Александра Петровича Кулешова (1921–1990) посвящен тем негативным явлениям нашей жизни, которые в 1990-х годах выплеснулись на поверхность из темных «подворотен». Герои романа – валютная проститутка, корреспондент западной газеты и бывший десантник, ныне член атлетического клуба, – связаны между собой сложной системой взаимоотношений, приводящих к неожиданной развязке...

ISBN 978-5-4484-7807-9

© Кулешов А. П., 1990

© ВЕЧЕ, 1990

Содержание

Глава I	6
Глава II	19
Глава III	35
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Александр Петрович Кулешов

Арбатские подворотни

© Кулешов А.П., наследники, 2019

© ООО «Издательство «Вече», 2019

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2019

Сайт издательства www.veche.ru

Глава I

Тутси – валютная девочка

Она стояла у входа в кафе «Националь», кутаясь в беличью шубку. Хотя было не так уж морозно. Но, когда у Тутси не ладилось с настроением, она всегда испытывала какой-то неприятный озноб: будь то на сочинском пляже или в декабрьской Москве, пусть и не холодным днем.

Она пришла минут на десять раньше условленного, и это было досадно. «Зайти, что ль, куда-нибудь погреться, чтоб появиться, как обычно, с опозданием?» Но она не двигалась с места, устремив равнодушный взгляд на поток машин, на неторопливо ползущие троллейбусы, на озабоченных, куда-то спешащих прохожих...

Ну отчего у нее такое настроение?

Ведь Тутси «добралась» или «приехала», а может быть, «прибыла». Ее слабое знание французского языка не позволяло ей точно перевести слово «arrive». Как объяснил ей один ее французский друг, так говорят о людях, всего добившихся, сделавших карьеру, словом – счастливых.

После развода с мужем, этим лопухом, который, вот уж точно, ни до чего «не добрался», никуда не «доехал», у нее осталась отличная однокомнатная квартира на последнем этаже отличного дома, ее усилиями отлично обставленная и оформленная.

Числясь переводчиком на договоре, Тутси занималась в другой, снятой ею квартире «индивидуальной трудовой деятельностью», в коей весьма преуспела. Она работала семь дней в неделю, без выходных, зато с сокращенным рабочим днем. Ее служба начиналась часов в десять-одиннадцать вечера у входа в какой-нибудь фешенебельный ресторан – «Националь», «Интурист», «Украина» или Центр международной торговли – и заканчивалась поздно ночью на ее «служебной» квартирке.

Среди ее бесчисленных «партнеров по работе» (она терпеть не могла слова «клиент». «Что я, продавщица или портниха?» – говорила она с презрением) были, как правило, «бабочки-однодневки», люди случайные, но встречались и постоянные, имевшие свои определенные дни. Таких она особенно ценила.

Среди партнеров Тутси были ее соотечественники-москвичи и иностранцы – приезжие или постоянно работающие в столице. Были старые и сравнительно молодые, красивые и наоборот, толстые и худые, высокие и низкие, лысые и заросшие, молчаливые и болтливые. Были такие, с кем приятно провести время, и такие, после ухода которых Тутси облегченно вздыхала.

Лишь одно объединяло всех этих людей: войдя в квартиру, они клали на салфетку в передней несколько зеленых или коричневых бумажек. Тутси терпеть не могла, когда деньги ей совали в открытую да еще с какими-нибудь дурацкими комментариями. Так что объединяло всех ее партнеров богатство. Ну не богатство, конечно, но возможность платить за один вечер, проведенный в ее обществе, сумму, которую иной трудяга зарабатывает за пару месяцев.

Каждое утро, наступавшее у нее обычно не раньше полудня, Тутси придирчиво оглядывала себя в зеркало. Она долго всматривалась в свою безупречную фигуру, удивительной красоты лицо, перебирала падавшие почти до талии золотистые волосы, касалась гладкой, эластичной кожи на животе, на груди, на плечах. Маленький намек на складку, крохотный прыщик, синяк повергали ее в панику не меньшую, чем слесаря шестого разряда, у которого сломалось лекало, или крановщика, у которого заедало рукоятку.

Тело Тутси было ее рабочим инструментом, источником ее материального благополучия, и оно всегда должно находиться в идеальном порядке. Тутси дважды в неделю ходила в сауну,

дважды – на массаж; она мало курила и старалась поменьше пить. Хотя партнеры не очень-то любили, когда «на работе» видели ее трезвой. Впрочем, Тутси научилась притворяться – комар носа не подточит.

Зарабатывала она своим столь древним ремеслом немало. Но расходы каковы! Надо было очень хорошо, даже изысканно одеваться. Гардеробы ее были набиты дорогими платьями, шубами, обувью, бельем... А что делать! Какой эстрадный мастер пожалеет денег на суперэлектрогитару или фотокорреспондент на аппарат «Канон»?.. Подношения – маникюршам, косметичкам, парикмахершам, швейцарам, официантам, таксистам, разным спекулянтам, приносившим туалеты и духи, деликатесы и напитки. Впрочем, напитки, как правило, приносили сами партнеры, но стол накрывала все же она – это входило в профессиональные обязанности. Да, так вот траты. Надо было платить еще заведующей бюро переводов за то, что Тутси числилась там, ничего не делая, управдому на всякий случай («собачке дворника, чтоб ласковой была...» – Тутси нельзя отказать в известной начитанности). А сколько она оставляла денег у продавщиц в «Березках», куда и после их закрытия через кое-каких приятелей ей удавалось проникать!

Так что деньги расходились быстро. Но Тутси, несмотря на молодой возраст, была достаточно рассудительной и трезво мыслящей и сумела кое-что отложить на срочный вклад.

Красота, здоровье, отличная квартира, деньги, туалеты, веселая жизнь, поклонение мужчин – все было.

А счастье?

Как-то по японскому телевизору, приобретенному с помощью одного уехавшего теперь в свою далекую страну друга, Тутси увидела передачу, в которой корреспондент спрашивал прохожих на улице: «Что такое счастье?» Юные и пожилые, мужчины и женщины отвечали кто длинно, кто коротко, кто остроумно, кто глупо. Ей запомнилась немолодая, совсем простая, скромно одетая женщина с усталым лицом, наверное, работница, возвращающаяся с ночной смены. «Что такое счастье? – переспросила она, и усталое ее лицо залучилось в улыбке. – Господи! Да жить! Жить – вот счастье...»

«Действительно, – подумала тогда Тутси, – дышать, ходить, весело проводить время, любить – словом, жить, разве не это счастье?!»

Ну и как у нее? Она ходит, дышит, у нее все есть, она весело проводит время, любит... Стоп! Вот чего нет, того нет.

Удивительно – такая «пронзительно, невозможно красивая», как сказал один из партнеров, с таким совершенным телом, такая молодая, такая искусная в любви... А вот любви-то как раз и нет. Ну нельзя же считать любовью два-три детских увлечения да недолгую супружескую жизнь с этим мужем-лопухом, неспособным прилично заработать для своей красавицы жены. Кандидат наук! О господи, его кандидатскую зарплату со всеми аспирантскими, со всеми достающимися ночным и воскресным трудом приработками она шутя получает за два вечера.

«Так счастлива ли я?» – размышляла Тутси, устремив рассеянный взгляд на вереницу машин, на начавший падать медлительный снежок, на толпу озабоченных прохожих в бледном, каком-то стертом свете уличных фонарей.

Увы, не очень. Это если быть честной. А вот если быть очень честной, то можно доискаться и до причины. Но Тутси не хотела доискиваться – просто противная заноза застряла в сердце, в душе, в мозгу, бог ее ведает где. И из-за этой, черт бы ее побрал, занозы умчалось куда-то привычное хорошее настроение, покой (его, кажется, называют душевным), было как-то тревожно и неопределенно.

Конечно, Тутси кривила душой, играла сама с собой. Она прекрасно знала причину плохого настроения. «И с чего это невесело? Что же это происходит? Не валяй дурака! Нечего притворяться – будто ты не знаешь!»

Тутси вздохнула. Эх, сидеть бы сейчас дома, смотреть свой японский телевизор или пить чай, поболтать по телефону и пораньше лечь спать. А заветней всего просто молчать и смотреть на Игоря... Просто смотреть. Ну вот, наконец-то выдохнула имя. Хоть и не вслух, хоть и про себя. Вот она, заноза. Так что нечего изображать...

А вот и Гор, ее сегодняшний партнер. Тутси опять вздохнула и, надев на лицо обворожительную улыбку, двинулась ему навстречу.

Август Гор, корреспондент большой и солидной газеты умеренного направления, был видным мужчиной. Высокий, поджарый, быстрый в движениях, несмотря на свои пятьдесят с гаком лет. Седой, без залысин, с очень синими глазами, обаятельный, он привлекал уверенностью в себе, умением слушать людей. Гор был интересным собеседником, он много знал, многое повидал, хорошо владел русским языком и старательно в нем совершенствовался, записывая в специальную тетрадь новые выражения, каламбуры, шутки, ругательства, анекдоты и не очень приличные частушки. Впрочем, Гор знал, где и что можно сказать, в разговоре с кем какие употребить выражения.

Гор работал в Москве уже больше года и больше трех месяцев являлся постоянным партнером Тутси. Он жил здесь один, и имелась ли у него на родине семья, Тутси не знала. Вообще она мало что о нем знала. В редких случаях, когда он знакомил Тутси со своими друзьями, те хранили на этот счет полное молчание, и простодушные попытки Тутси что-либо выяснить оканчивались неудачей.

Первое время она испытывала досаду. Ведь все ее коллеги по профессии живут тайной надеждой выйти замуж за такого вот забугорного партнера. Кое-кому это удастся, большинству – нет. Но видеть в очередном немолодом партнере потенциального жениха – почему нет? В конечном счете женат ли тот, выяснялось довольно быстро, и тогда намечалась соответствующая тактика. А вот с Гором беда – есть семья, нет семьи, как узнать?

Однако в последнее время у Тутси отпало желание покинуть родную землю. И потому семейное положение Гора перестало ее интересовать.

Ее гораздо больше интересовало семейное положение Игоря. Тут, правда, была полная ясность. Они были ровесниками, и, как он сам ей сказал, о женитьбе Игорь и не задумывался, аргументируя это довольно обидно: «Что я, дурак, что ли?»

Так вот Гор. Познакомились они довольно банально.

Со своей подругой Ритой, которую в действительности звали Леной, они работали в команде, имея на двоих одну квартиру. Точнее, квартиру вблизи улицы Горького, рядом с Госкино, снимала Тутси, а Рита пользовалась ею за отписку, вручая подруге четвертной билет за каждого приводимого туда клиента (фи – партнера!), будь то совок, чухонец или даже стрелец (иначе говоря, соотечественник, финн или американец). Подобные коммерческие отношения никак не портили союз подруг.

Как всегда, заказали столик в «Национале» на четверых. Как всегда, явились вдвоем, и, как всегда, не прошло и получаса, как оказались вчетвером.

А вот подсевшие к ним предполагаемые партнеры оказались не такие, как всегда. Вернее, один из них.

Тот, что явно интересовался Ритой, высокий, молодой парень, уже слегка поднабравшийся, русским языком не владел. Впрочем, большого значения это не имело, поскольку он только и делал что смеялся, издавал неясные восклицания или что-то туманно бормотал.

Второй – немолодой, интересный, пивший не меньше, но не пьяневший, – хорошо, хоть и с акцентом, говорил по-русски, был серьезен и так внимательно разглядывал Тутси своими красивыми синими глазами, что даже она в конце концов почувствовала смущение.

– Гор, – представился он. – Но зовите меня Август. Разница в возрасте не важна, – он улыбнулся. – Вы очень красивая. Вы напоминаете героиню пьесы Островского...

«Черт бы его побрал, – с досадой подумала Тутси. – Мне сотня “гринов” нужна, а не лекция по литературе. Лекции пусть Ритка слушает». Ее подруга по команде уже третий год моталась по педагогическим институтам, умело манипулируя академическими отпусками.

Пока Гор, изящно поглощая неизбежную, как смена сезонов, котлету по-киевски, продолжал свои образные сравнения, Тутси незаметно разглядывала его. Он нравился ей все больше. Она любила, когда партнер ей нравился. Хотя, конечно, это было не главное в работе. Главным были «первые», «вторые», на худой конец «третьи». И когда на следующий день она звонила своему приемщику и будничным голосом говорила: есть двести «первых» или пятьсот «третьих» и тот приезжал и забирал двести долларов или пятьсот финских марок, она испытывала удовлетворение подобно биржевику, удачно сыгравшему на разнице.

Эдакое деловое удовлетворение. Потому что Тутси жадной не была, скорей наоборот, и постоянно попадала на кабаки – бесцельно тратилась. Работа есть работа, но все же, когда среди ее бесчисленных партнеров возникали внушавшие симпатию, она радовалась. Вот и сейчас Тутси без обычной скуки думала о предстоящем вечере.

Вечер, переходящий в ночь, прошел по обычной программе – потанцевали, попили-поели, зарядили какого-то драйвера и смотались на рабочую хату, ту, что она снимала рядом с Госкино. Хоть и два шага, а нечего по улицам болтаться.

Пока совсем уже захмелевший молодой, имя которого за весь вечер так и не удалось установить, исполнял Риту в спальне, Тутси угощала Гору в кухне-баре черным кофе. Она готовила этот кофе сама, по своему специальному рецепту, которым весьма гордилась.

– Вам нравится?

– Очень, – искренне сказал Гор. – Такое вкусное – такой вкусный, – поправился он, – давно не пил. Пил в прошлом году в Рио.

Тутси с уважением смотрела на него. «В Рио!» Она, конечно, привыкла, что большинство ее партнеров повидали мир и в их разговорах частенько мелькали названия далеких экзотических городов и стран. Но Рио! Было в этом слове что-то сказочное, влекущее и волнующее. При слове «Рио» Тутси испытывала чувства, близкие тем, что испытывал Остап Бендер. Рио! Тутси виделись утопавшие в синей дали океанские просторы, тонкие кружева брызг, необъятные золотые пляжи и белоснежные громады прибрежных отелей...

– Противный город, – говорил между тем Гор, вторым глотком покончив с содержимым крохотной чашечки, – жарища, пыль, очень старые автобусы, сильно воняют бензином. Пляж как муравейник – люди, люди, люди. В море плыть опасно. Волна хватает и под себя утапливает. Однажды утонул ваш дипломат. Нет, Париж лучше.

Тутси, неприятно пораженная такой оценкой города ее мечты, вынуждена была согласиться, что Париж лучше.

– А вы хотите жить в Париже? – неожиданно спросил Гор. – Или, или... – Он нахмурил брови, вспоминая нужное выражение, и просиял, вспомнив: – Или на худой конец в Рио?

– Конечно, – усмехнулась Тутси, она возвращалась в привычный ритм, – кто же не хочет! Вот свозили бы меня.

– Не исключается, – задумчиво заметил Гор, – сделанное доброе дело заслуживает награды. – Он опять улыбнулся, довольный им самим составленной русской поговоркой.

– А что я должна сделать? – Тутси кокетливо улыбнулась, поклатившись по накатанным рельсам.

– Вы сами знаете что. – Гор подмигнул и добавил: – У нас еще будет время об этом поговорить, если захотите увидеть меня. Захотите?

– Захочу, – отвечала Тутси, не успев подумать. – Я дам вам номер телефона.

Гор не спеша вынул ручку, записную книжечку и вопросительно посмотрел на Тутси. Она продиктовала ему номер и только тут подумала, что с первого раза почти никогда не делает этого.

– Вы просыпаетесь поздно? – спросил Гор.

– По-разному, – ответила Тутси. – Звоните, когда хотите. Если я сплю или... занята, то заваливаю его подушками.

– Кого? – не понял Гор.

– Ну, телефон.

– Очень остроумно, – без улыбки заметил Гор. – Я тоже буду так делать.

Этот дурацкий разговор мог бы продолжаться долго, но тут из спальни возникли растрепанный, полуодетый Ритин партнер и сама Рита, свежая, причесанная, с безупречно наведенным макияжем. Не особенно стесняясь Гора, она сказала Тутси:

– Оставайся, сейчас поймаю тачку для этой свиньи и поеду домой. Чао!

Она подхватила своего плохо державшегося на ногах партнера под руку, и они прошествовали к двери, за которой исчезли, оставив Гора и Тутси наедине.

В ту ночь других ходок Тутси не делала. Гор остался у нее до утра. Был нежен, удивил Тутси своим пылом – не то что пятьдесят – и сорок ему не дашь! – и оставил после себя приятное впечатление и гораздо больше баксов, читай – монет, чем было оговорено.

Тутси вспоминала его синие-синие глаза, спортивную фигуру, его рассказы о неведомых ей вещах и особенно туманные намеки на туманное будущее их отношений. Она поймала себя на мысли, что вот за такого вышла бы хоть сию минуту. Жалко, если намеки намеками и останутся.

Ее мысли подкрепил ранний – в полдень – раздавшийся звонок Риты.

– А твой синеглазый – класс! – без предисловий сказала она. – Договорились?

– Да вроде ничего, – притворно равнодушно ответила Тутси, – договорились.

– Думаешь, есть перспектива? – настаивала Рита.

– Кто его знает.

– Жаль, если слиняет.

– Что, на нем свет клином сошелся, что ли? Ну а ты вчера?..

Поболтали с полчаса: словно год не виделись, словно не собирались встретиться в тот же вечер. А в вечер этот Тутси могла быть довольна – за две ходки нажила косарь с кусочком. Зато на следующий никого не сняла: был жуткий дождь с грозой, ветром, и она пролетела вчистую.

Ну что ж, причуды ремесла...

Она уже стала забывать того синеокого партнера: господи, сколько их проходит, не оставляя следов! (И слава богу! А то такой след оставят, что меньше, чем косую, чтоб смыть его, знакомому врачу не отвалишь.)

В тот день у Тутси как раз было хорошее настроение, потому что знакомый врач, которому они за пятьдесят рэ еженедельно сдавали кровь, позвонил и сказал, что все в порядке, нет у нее СПИДа, этой дурацкой штуки, которую придумали, чтобы отбивать у Тутси и ее коллег клиентуру. Сволочи! Что-то напевая, Тутси уже направилась в ванную, когда опять зазвонил телефон. Она сняла трубку и не очень любезно спросила:

– Ну?

– Доброе утро, мадам Тутси, – услышала она незнакомый голос и сразу же определила: «Гор!»

– О, здравствуйте! Куда вы пропали? – оживленно воскликнула Тутси, словно Гор звонил ей десять раз на дню, а тут вдруг один день пропустил.

– Уезжал, – неопределенно ответил Гор. – Хочу вас повидать. Может быть, мы сходим в спектакль. Около «Националя» идет пьеса, которая называется «Спортивные сцены 1981 года». Про молодежь. Очень интересно. А потом пойдем поужинаем в «Националь». А потом, если пригласите, с удовольствием приду пить к вам ваш замечательный кофе.

– Идет, – согласилась Тутси, не раздумывая. – Перед театром встретимся.

– Зачем, я заеду за вами.

– Нет-нет, лучше перед театром.

Тутси не хотела говорить Гору, что живет-то она не в той «служебной хате», возле Госкино, а совсем в другой. И телефон она ему дала именно этой, жилой, а не той, где он тогда отхорил ее.

Вся эта нелепая конспирация раздражала ее. Обычно номер телефона своей настоящей квартиры она никому не давала, то была ее крепость. И почему она ни с того ни с сего дала этот номер Гору, она и сама не смогла бы объяснить.

Театр! Не то чтоб она очень стремилась туда. Но, в конце концов, за вечер платит Гор, и, если он хочет часть его провести в зрительном зале, а не в постели, это его дело. Лишь бы платил. А что он не скупердай, она уже убедилась.

Встретились у театра. Гор стоял у входа в строгом синем костюме, в белой крахмальной рубашке с лиловой бабочкой, с плащом на руке. Тутси всегда одевалась профессионально, т. е. не просто красиво и дорого, но еще и соблазнительно. Очень глубокие декольте, очень обнаженные руки, очень короткие юбки, очень обтягивающие кофточки. А поскольку фигура была у нее великолепной, то туалеты неизменно производили соответствующее впечатление.

Так было и на этот раз. Мужчины и женщины провожали ее взглядами. Нельзя сказать, что чувства, которые выражали эти взгляды, совпадали. Скорей наоборот. Так или иначе они льстили ей.

Вот она какая! Красивая, элегантная, преуспевающая в своей профессии, недавно презируемой, ныне престижной (разве что дураки не считают ее таковой).

А многие шалавы, эти жалкие пятиалтышницы, что начинали в этот час собираться возле «Марса», и те, совсем никудышницы, у Центрального телеграфа, при появлении Тутси совсем лопались от зависти. Пятьдесят рублей за ходку! Господи! Да такие вообще недостойны ходить по земле.

Тутси рассчитывала произвести на Гора ошеломляющее впечатление.

Он радостно улыбнулся, заведя ее, и пошел ей навстречу.

– Вы очень эффектны! – сказал он, оглядев ее внимательным взглядом. И все же Тутси почувствовала в этих словах какую-то почти неуловимую иронию. Наверное, будь Гор русским, он бы сказал что-нибудь вроде: «Ну даешь, мать!» И это было бы куда приятней.

Настроение у Тутси сразу испортилось. Она нарочно вульгарным движением взяла Гора под руку и, неприлично виляя бедрами, повлекла к подъезду театра. «Ах, я “эффектна”, ах, может быть, тебе со мной стыдно, тогда нечего было приглашать в театр!» Но вскоре Тутси успокоилась. Она не умела долго пребывать в одном и том же настроении.

Да и молоденькая актриса – одна из главных героинь пьесы – была настолько вульгарна, что по сравнению с ней Тутси выглядела образцом скромности. Что вульгарной была не актриса, а ее персонаж, Тутси не заметила. От таких тонкостей она была далека.

В антракте они гуляли по фойе, разглядывали фотографии артистов театра, развешанные по стенам, ели орехи и шоколад. Спектакль не обсуждали, хоть он увлек обоих.

То, что происходило на сцене, было близко Тутси. Те же интересы, та же корысть, интриги, разочарования и горечь. Те же извечно наказываемые жизнью наивность и простота.

Что думал Гор, ей было неизвестно.

А жаль. Проникни она теперь в его мысли, многих горестей удалось бы ей в последующем избежать...

Вечер закончился, как запланировали.

Зашли в «Националы», выпили в валютном баре пару коктейлей, поужинали и отправились к Тутси. На этот раз пешком.

Рита отсутствовала.

Так бывало. Бывало, что у Тутси или Риты происходили свидания с каким-нибудь партнером, с которым по той или иной причине встреча происходила вдвоем, а не обычной коман-

дой – два на два. Или на пару недель в Москву наезжал фирмач, уже аккредитованный при них. Порой такой фирмач жил с Тутси на ее «служебной» квартире, и на это время ее ежевечерняя деятельность прекращалась. Лавы и так хватало. Этот постоянный, точнее регулярный, партнер привозил видик, норковую шубу, мелочовку. Потом уезжал, а через полгода приезжал снова. Бывали такие. Люди из разных стран, разных профессий, характеров, привычек. Бывали и местные постоянные партнеры, возникавшие раз-два в месяц, на протяжении года-двух.

Тутси уже поняла, что Гор оккупировал ее на всю ночь, поэтому не спешила. Они прихватили из ресторана вино, фрукты, конфеты. Пили «ее» кофе, даже посмотрели какие-то эстрадные номера по видеку.

Для этого видека у Тутси имелось немало кассет – фильмы, концерты, мультики. Никакой порнухи, ни-ни! Еще этого не хватало. При всей своей молодости Тутси была весьма осторожной. В той мере, в какой это позволяла ее профессия.

Благодаря этой осторожности она благополучно избегала до сих пор «госприемки» – облав, которые устраивала иногда милиция без особого, в общем-то, успеха. Тутси хорошо знала кодекс и понимала, что ей мало что угрожает. Поскольку официально ее профессии в нашей стране не существует, не существует и наказания за нее. А того, к чему могут придаться – «состояние опьянения», «приставание к иностранцам», «нецензурная брань», «мелкое хулиганство» и т. д., – она тщательно избегала, хотя главная опасность – «незаконные валютные операции» – угрожала все время. Но Тутси умела обойти эту опасность.

Хоть и на этот раз Гор, по понятиям Тутси старик, показал себя как мужчина с самой лучшей стороны, все же немалую часть той бессонной ночи заняли у них разговоры, точнее монологи, Гора.

Он не скрывал ничего из своей профессии. К сожалению, детально говоря о работе, он обходил молчанием свою личную жизнь. А задать ему вопросы напрямую она так и не решилась.

– Какая у вас интересная жизнь! – вполне искренне восхищалась Тутси. Деловые и финансовые подвиги ее обычных партнеров оставляли Тутси равнодушной, а вот у Гора такие увлекательные приключения, такие порой забавные! – Ну и что удалось вам узнать, что там было?

Гор рассказывал, как однажды во время заседания одной правительственной комиссии при рассмотрении секретного вопроса их, журналистов, удалили из зала.

– Удалось. – Гор усмехнулся. – Видите ли (то, что даже в самые интимные минуты он обращался к ней на «вы», потрясало Тутси и даже внушало ей какой-то суеверный страх), на столах совещателей лежали наушники. Их надевают, чтобы слушать перевод. Радиус... да? Радиус слышанья – тридцать метров. Вот я взял наушник незаметно. У вас говорят – спер, да? Зашел в уборную рядом с залом. Заперся, надел наушники. И все услышал.

– Ой, не могу! – Тутси заливалась смехом, представив себе сидящего на унитазе Гора с наушниками на голове и блокнотом в руках. Было жарко. Она лежала, сбросив одеяло, и тени от вращающейся ночной лампы, давно подаренной ей одним испанским другом, прометали ее обнаженное тело, придавая ему некую таинственность...

Она не видела устремленного на нее задумчивого, оценивающего взгляда Гора, иначе с ее-то интуицией сразу бы поняла, что оценивает он отнюдь не ее тело, и не разметавшиеся на подушке золотые волосы, и особенно сейчас красивое в полутьме лицо, а что-то иное и вот об этом ином думает.

Так смотрит охотник на ружье, обдумывая будущую охоту, боксер на перчатки, размышляя о предстоящем поединке.

Впрочем, Тутси не видела глаз своего остроумного партнера, так ловко обманувшего этих парламентариев-конспираторов, укрывшись в сортире.

Тутси закурила, что бывало с ней нечасто. Сигареты «Малборо», которые она обычно покупала у бармена из валютного по десять рэ за пачку, на этот раз принес Гор. Ничего необыч-

ного в этом не было. Партнеры частенько снабжали ее, как и ее коллег, насущной пищей – виски, джин, сигареты, жвачка, даже «резинки» – презервативы, приносимые в дар в количестве, явно превышающем их собственные потребности.

Ну что ж, оставалось для других...

– Наша профессия – небезопасная, – продолжал рассуждать Гор, – ведь это у вас журналист всегда представляет начальство. Его бояться и уважают...

– Какое начальство? – не поняла Тутси.

– Какое хотите. У вас в стране то, что напечатано в газете, – это истина. Раз напечатано, значит, так и есть. Правда, теперь многое меняется. Теперь у вас одна газета или журнал ругает другую, пишет, что она врет. А та ругает эту и пишет, что эта врет. Очень интересно! Читатель ничего не понимает и, когда читает, с каждым соглашается. А свое мнение пишет в газету и думает, что это гласность. Другим читателям на его мнение... наплевать, да? Наплевать, и они пишут свое мнение, на которое другим наплевать. Но все довольны.

Он помолчал. Потом заговорил снова:

– У французов есть поговорка: «Демократия – это когда все говорят, что хотят, и делают, что им говорят». У вас так всегда было.

– Нет! – в Тутси заговорили патриотические чувства.

– Было, было, – повторил Гор. – А теперь нет. Теперь нет, говорят, что хотят, но совсем не делают, что говорят. Мало делают. Пишут много.

Тутси молчала. Она чувствовала в словах Гора что-то обидное для ее страны, но не могла понять что, и потому не знала, как возразить.

– У вас, – продолжал Гор, – так много говорят и пишут, что некогда делать.

– Ну... – неуверенно возразила Тутси, – так уж никто ничего и не делает, – в голосе ее звучала обида, – вон сколько всего нового...

– Делают, делают, хотят, во всяком случае. И это хорошо. Я доволен, мне это... в руку. Да? Нет – на руку.

– Не понимаю, – пожала плечами Тутси.

– Поймете, придет время, поймете, – усмехнулся Гор. – Вот вы-то, мадам Тутси, работаете, вас в безделье упрекнуть нельзя. Будем вместе делать дело.

И Гор протянул руку к выключателю...

Такие монологи Гора, прерываемые порой ее робкими возражениями, неизменно сопровождали их ночные общения. Это было непривычно для нее. И интересно.

Обычные ее партнеры не отличались ни глубиной ума, ни оригинальностью мышления. И она прекрасно знала, как с ними говорить, шутить, кокетничать. Существовал стандартный набор острот, комплиментов, пошлостей, непристойностей, реплик. Набор тем и ограниченный круг их обсуждения. И здесь Тутси чувствовала себя уверенно и привычно.

А этот Гор со своими увлекательными, новыми для нее рассказами, поворотом разговора, неожиданными вопросами ставил ее в тупик. И потом Тутси смущал какой-то подтекст, какой-то второй смысл его речей, который она никак не могла уловить.

Но вот последнее время... последнее время ее сбивал с толку Игорь! Ее ровесник, живший с ней в одном мире, обществе, он тем не менее жил в ином измерении. Словно какая-то чертова стеклянная стена оказалась между ними! Порой Тутси готова была расплакаться.

Общение с Игорем возвращало ее в тот мир, из которого она уже ушла, от которого удалилась. И не так-то просто вернуться туда.

Обычные, привычные партнеры. Загадочный, увлекательный Гор, теперь Игорь... Ну как тут разобраться, как переходить от одних к другим, менять поведение, манеру держать себя, разговаривать? Как становиться то одной, то другой? Быть самой собой она почти разучилась. Самой собой она была, только когда оставалась одна. Да и то, не случалось ли ей обманы-

вать себя? А? Если по-честному-то? Трудные наступили времена. Она все больше досадовала: почему так? Раздражалась, нервничала.

Впрочем, сейчас она была на работе, и настроения ее никого не интересовали. Работа есть работа. А она в работе всегда была добросовестна. Уж в чем, в чем, а в халтуре ее нельзя было упрекнуть.

...Гор откинулся, тяжело дыша, включил свет, щелкнул зажигалкой. Тутси, ковыляя в одной туфле, направилась в ванную.

В полутемной комнате наступила тишина. Почти неслышно журчал какую-то тягучую мелодию приемник на тумбочке, лилась в ванной вода, что-то на далеком этаже негромко гудело – водопровод, канализация? В каком доме они по нынешним временам не гудят?

Гор притушил сигарету, встал, накинул халат, который оставлял у Тутси (из таких забытых халатов она могла бы уже составить выставку, «Выставку исчезнувших призраков»), подошел к окну. Отдернул штору. Он долго стоял у окна, устремив в ночь задумчивый взгляд, рассеянно смотрел на тусклые фонари, дремавшие у тротуаров машины, на кошек, крадущихся вдоль стен. Когда в ванной комнате с глухим стуком открылась дверь и раздалось топанье босых ног, он обернулся. Тутси, завернувшись в полотенце, вошла в спальню и устремила на Гору вопросительный взгляд.

– Спим? – спросила она.

– Спим, – подтвердил он.

Они улеглись в постель, целомудренно повернувшись друг к другу спиной.

Рабочий день Тутси закончился.

Наутро он, не разбудив ее, встал, оделся, сделал на кухне зарядку, обычную свою изометрическую – «раздвигая» стены, «поднимая» подоконник. Приготовил себе кофе, быть может, и не так искусно, как она, но вполне прилично, позавтракал и, тихо прихлопнув дверь, отправился в свой корпункт.

Все это время он старался не шуметь. И напрасно. Тутси не спала. Она лежала с открытыми глазами и тосковала. О чем? Она и сама не могла бы сказать. Тосковала, и все!

Их отношения с Гором длились три месяца.

Не так уж мало в ее профессии, но и не так много. Бывало и дольше.

Гор теперь звонит по два раза в неделю и превратился чуть ли не в дежурного партнера. А хорошо б такого иметь постоянным, такого одного, если, конечно, нельзя превратить его в мужа!

Свидания их носили традиционный характер, хоть и отличались от ее свиданий с обычными партнерами. Те оприходовали Тутси в ресторане и торопились оказаться в ее спальне, там неинтересно исполняли ее, редко задерживаясь до утра, и, оставив сотню-полторы «гринов» или им равных, исчезали. Тутси брезгливо отмывалась в ванной и шла на вторую ходку.

Гор начинал вечер, как правило, с кино, концерта, театра, автомобильной прогулки, потом шел неспешный ужин, и, наконец, долгая ночь любви, наполовину составленная из его монологов. Но Тутси не жаловалась. Она стала привыкать к театрам и концертам, ей даже нравилось появляться с ним в ложе, на зависть всем. А эстраду она просто любила. Все это придавало ее работе некую изысканность, интеллектуальность.словно главным был театр, а не постель. Что касается ночей, то они избавляли ее от изнурительных сверхурочных со вторыми и третьими партнерами.

Гор был безусловно щедр, и, не лишенная практичности, Тутси как-то подсчитала, что каждое свидание с ней обходится Гору в двести-триста зеленых, если не дороже. Это значит в месяц тысячи полторы. Сколько же он зашибает?

Она все больше привыкала к такой жизни. Теперь ее обычные партнеры казались ей еще более тусклыми, чем всегда. Ну о чем с ними говорить? Все эти набитые деньгами каталы, хлопачешники, ломщики, кидалы, у которых, кроме лавы, ничего нет на уме, господа, до чего

надоели! Да и фирмачи и мелкота, что наезжала во время разных коммерческих выставок и ярмарок, – когда шла масть, – тоже не больно интересны, разве что шузы начищены да одеколон дорогой. То ли Гор!..

Так бы все и шло, если б, черт возьми, не дернул ее черт отправиться к чертям собачьим с Ритой в эти чертовы Люберцы! Ну кто ее тянул?! «Поедем, ребята – класс! Лавы – навалом! Хата – Зимний дворец! Участок – зимний сад! За ночь пять ходок на месте! Две-три косых гарантирую! Солидж – таких еще не видывала!»

Как соловей распелась. И когда тачка с каким-то утюгом за рулем подкатила к подъезду, Тутси залезла в нее, преисполненная радужных надежд.

Приехали. Зимний не Зимний, но хата – будь здоров!

Тутси сразу определила общество. Тут были культурные утюги, что лопочут по-ихнему, влезают в туры, толкают икру и всякое дерьмо и вылезают, отягченные баксами; ломщики чеков, фарцовщики по мелочам, какие-то шпилевые – шулера – сомнительной квалификации, какие-то полтинниковые девки из-под Москвы и пара путанок, но не их с Ритой класса, были сутенеры с острым взглядом и вкрадчивыми манерами. Словом, как могла Рита – интердевочка высшего разряда – притащить ее в эту компанию, не укладывалось в голове!

Конечно, все эти типы денег не считали, коньяк был «Мартель», сигареты «Кэмел» и «Салем», видео – порнуха – бред горячечный, а уж музыка – и говорить нечего. На деньги никто не скупился. Тут не две, а все десять косых можно было собрать. И все же Тутси внезапно испытала такое отвращение, что твердо решила слинять. Решение далось нелегко. Отказаться от такой лавы, бросить Риту одну означало совершить поступок, неприличный в таком «обществе», как, впрочем, и в любом обществе вообще. Ну и сидела бы себе! Так нет, сбежала! Почему? Много позже, вспоминая тот несчастный и счастливый вечер, Тутси не могла себе этого объяснить.

Она посидела, выпила со всеми, забралась с каким-то хмырем на второй этаж. Может быть, именно он, пьяный, слюнявый, какой-то бессильный, грязный в своих требованиях, и был последней каплей.

Оставив его храпеть и бормотать во сне, она спустилась по наружной, ведущей на террасу, лестнице и, никем не замеченная, скрываясь за деревьями, вышла на дачную аллею, добралась до станции и, быстро сообразив, что зарядить здесь тачку не удастся, села в едва ли не последнюю электричку.

Вагон был почти пустой, только в одном его конце трое слегка поддавших ребят что-то пели, вернее хрипели, под гитару, а в другом, склонив голову на грудь, дремал русоволосый парень.

Электричка почти без остановок неслась в ночи, чего тут от Люберец ехать-то, и все шло тихо, пока один из «музыкантов» неожиданно не обнаружил, что в вагоне едет королева красоты, которая должна одарить его вниманием. Подойдя к Тутси неверной походкой, он так ей и сказал. Подкатили два других, сели напротив, запели, забренчали на гитаре. Тутси встала, хотела пересесть, парень схватил ее за руку, дернул, сажая на место. Тутси закричала – хотя кому кричать? До Москвы еще ехать неизвестно сколько (откуда ей знать, что она, в электричках трется, что ли!). А по ребятам видно, что они стесняться не будут.

Тутси едва ли не впервые испытала такой ужас, а когда один вынул нож и, громко гогоча, начал размахивать им, она едва не потеряла сознание.

Вот тогда все и произошло. Неожиданно чья-то тень загородила проход и кто-то опустился рядом с ней на скамейку. Она еще не видела кто, но по выражению лиц сидевших напротив парней поняла, что пришло спасение.

Тутси нерешительно повернула голову – ну, конечно, тот белобрысый, кто ж еще, больше никого в вагоне нет. Да, такого и эти подонки могли испугаться. Парень был высокий, широкоплечий, в рубашке с закатанными рукавами. У него были прямо-таки неправдоподобно могу-

чие мышцы на руках, на груди. Джинсы обтягивали мощные ляжки. От всего его облика веяло такой колоссальной физической силой, что становилось страшно.

– Не волнуйтесь, девушка, – сказал он негромко, – мальчики шутят, мальчики хотели спеть вам песенку, но раздумали. И решили перейти в другой вагон. Я правильно говорю, мальчики?

Но «мальчики» исчезли после первых же его слов. Они мгновенно протрезвели, спрятали нож и, спотыкаясь друг о друга, заторопились в конец вагона, откуда пришли. И там сидели, тихо шепчась и с опаской поглядывая на Тутсиного спасителя.

А тот сел напротив. Теперь она хорошо разглядела его. Он выглядел атлетом-борцом или, может быть, штангистом, она не очень в этом разбиралась. У него было приятное, по-детски чистое, привлекательное лицо, ямочка на подбородке, длинные ресницы, голубые веселые глаза, коротко подстриженные светлые волосы ежиком.

«Да он же любер, господи! – подумала Тутси. – Как я не сообразила – ведь из Люберец еду! Надо же!»

– Я не любер, – улыбнулся парень, словно читая ее мысли, – хотя качаю понемногу. Зовут Игорь, фамилия Лосев, действительную отслужил в десантных, водитель второго класса. Приводов не имею. – Он весело рассмеялся. – А ты?

Тутси растерялась, что бывало с ней нечасто. Но уж слишком велико было пережитое потрясение – страх, отчаяние, радость, благодарность. Все смешалось.

– Так ты кто? – повторил парень.

«А я проститутка, – неожиданно с горечью подумала Тутси. – Еду с группешника, где меня отхорил какой-то грязный катала. Да еще и пролетела, ничего мне не заплатил! Ой не могу! Вот смехота-то!»

Она засмеялась и смеялась все сильнее и громче. Из глаз ее потекли слезы. Начиналась истерика.

Парень сначала удивленно смотрел на нее, потом, видимо, сообразив, в чем дело, начал вдруг действовать уверенно и быстро.

Откинув Тутси левой рукой голову, он правой несильно, но резко несколько раз ударил ее по щекам, потом вынул из кармана платок, вытер ей губы, глаза, и, взяв обе руки в свои, сказал властно и требовательно:

– Все! А ну, все! Успокойся. Все прошло. Никто тебя не тронет. Провожу домой. Слышишь? Все. Опасность воздушного нападения миновала.

«...Он не понял, – благодарно подумала Тутси, – решил, что тех ребят боюсь. Откуда ему знать, кто я? Увидел – обижают, и вступился. А если б знал?»

Она тихо плакала, шмыгая носом, вытирая его платком глаза. Он молча смотрел на нее.

Наконец она перестала плакать, достала зеркальце, губнушку, как могла, привела себя в порядок, виновато посмотрела на него.

– Наташа меня зовут, – пробормотала тихо.

– О, хорошее имя, круглое, плотное, теплое – как печеное яблоко, – весело сказал парень. Тутси подняла на него удивленные глаза.

– Ладно, – парень положил свою могучую руку ей на колено, – это я так, люблю выражаться образно. Есть грех. Не обращай внимания.

Он посмотрел в окно.

– Приехали. Вставай и не бойся – провожу. Ты где живешь?

– На улице Веснина, это возле Арбата, – неожиданно сказала Тутси. Впервые она назвала незнакомому человеку свой истинный адрес. Она поняла, что связать свою профессиональную деятельность с этим парнем даже мысленно не может. Вот так сразу, в первый час знакомства, поняла, что эти два мира никогда не должны пересечься.

На стоянке были такси, но Тутси почему-то постеснялась взять машину. Она все время совершала в этот день поступки, которые сама себе не могла объяснить! В метро при ярком свете Игорь показался ей красивым и еще более высоким.

– Сто восемьдесят сантиметров, девяносто пять килограммов. – Он словно читал ее мысли. И Тутси тихо рассмеялась.

От метро «Смоленская» они шли по Садовому кольцу. Несмотря на поздний час, оно жило напряженной жизнью. Мчались машины, ползли троллейбусы, было немало пешеходов, как и они, возвращавшихся по домам. А сами дома светились многими окнами.

Свернули в переулок, не доходя старинного особняка с запущенным садом позади. У посольства их окинул равнодушным взглядом милиционер. Пройдя коротким переулком, вышли в другой, пошире, к большому дому с потемневшей глазурированной плиткой по фасаду, дому, где жила Тутси.

Переулок когда-то назывался Денежным, а теперь улицей Веснина. Собственно, братья Веснины, академики архитектуры, по имени одного из которых и была названа улица, когда-то в этом доме жили. С тех пор дом сто раз ремонтировали, что-то в нем переделывали. Например, из огромных коммунальных квартир, во всяком случае, некоторых, сделали несколько отдельных, в том числе эту, однокомнатную, доставшуюся от матери мужу Тутси, а от него после развода самой Тутси. Муж оставил ей все (а что, собственно, было оставлять?) и ушел.

Где-то в глубине души у нее остался осадок – может, он так стремился от нее уйти, что готов был оставить ей все, лишь бы поскорей? А ведь любил ее очень.

Из окна квартиры виднелся высокий старинный дом, где, как свидетельствовала плита, когда-то жил первый нарком просвещения Луначарский. Левее возвышалось величественное здание итальянского посольства. Берега неширокой улицы были уставлены машинами с дипломатическими номерами. Улица была с односторонним движением, по ней нечасто ездили и не так уж много возникало прохожих.

Горели уличные фонари, а милиционер у входа в посольство вышел из своей будки, наверное, подышать ночным воздухом и стал ходить взад-вперед, покуривая.

Игорь проводил Тутси до подъезда. И на какое-то мгновение у нее возникло неудержимое желание пригласить его к себе. В конце концов, он спас ее от хулиганов, пригрозил, проводил домой – разве он не имел права на благодарность? А чем еще могла отблагодарить его Тутси, как не тем, за что другие платили сотни? И тут с ней снова произошло необъяснимое – она вдруг застеснялась! Она вдруг подумала, что это самое, за что другие платили сотни, ему не нужно. Что у него есть девушка, которую он любит, наверняка не такая красивая, но он ее любит! И Тутси – со всей ее красотой, богатыми шмотками, с ее отличной квартирой, видеомagneтофоном «Акай» и проигрывателем «Филлипс» – ему совершенно не нужна.

Просто увидел, что обижают девушку, и вступился. Не для того чтоб переспать с ней потом, а просто потому, что мужик, настоящий мужчина! Но ведь и не лопух же.

И, когда она представила себе, как приглашает его, а он, бросив на нее всепонимающий взгляд, со снисходительной улыбкой говорит, что спешит домой, ее обдало жаром.

У подъезда он пожал ей руку, она пробормотала «спасибо» и совсем глупо добавила: «Звоните». Он сказал: «Привет. На лестнице свет вижу, так что никто не нападет», – и рассмеялся.

Заскочив в парадное, Тутси осторожно выглянула и смотрела вслед ему, высокому, широкоплечему, твердой энергичной походкой уходившему в ночь...

Дома она быстро разделась, забыв принять душ, забыв натереться ночными кремами, и залезла под одеяло. И долго плакала, вновь переживая тот вечер, все страшное и радостное, по-бабьи жалея себя. Сколько их, готовых отдать и пятьсот и тысячу, чтоб залезть под это одеяло, а вот такой, которому она сама бы отдала, сколько попросит за одну ночь, ушел себе, посвистывая.

И никогда она его больше не увидит.

Ей было стыдно от таких мыслей и очень жалко себя. И злилась она на всех этих фрайеров и на стерву Ритку, которая устроила ей этот неожиданный бенефис. Она готова была всех убить, особенно тех подонков с гитарой.

А заодно и себя.

Запоздалый нервный стресс тряс ее, она не могла остановить слез. Принимала какие-то капли, даже выпила полстакана коньяку, отчего ей стало совсем худо.

Утром встала, подошла, как всегда, к зеркалу и чуть не разревелась опять. Нет, тело ее было все так же прекрасно. Высокая, крепкая грудь, не то чтоб с кулачок, но и не коровье вымя, что так любят рашинки – ее соотечественники. Как раз такая, что сводит с ума забугорных. Ни намека на живот – плоский, чуть мускулистый, ноги едва не из шеи растут, длинные, стройные, гладкие. У нее вообще кожа такая гладкая, нежная и смуглая, что один старый дурак фээргэшник восхитился: «Из твоей кожи, красотка, в Освенциме сделали бы неподражаемый абажур!» Ну? Видели? У него такие шутки! Жаль, что из кое-чего у него подсвечник не сделали, – остряк...

Но лицо, ее необыкновенной красоты лицо! О господи, кикимора! Отвротясь не нагладишься! Кошмар! Какой кошмарный кошмар! Эти синяки под глазами, и сами глаза, красные, опухшие, губы словно две улитки, нос красный, волосы – за два дня не распутаешь. Боже! Какой ужас! Ну Рита-Риточка-Ритуля, ты у меня попомнишь этот вечер! Проклиная себя, подругу, злосчастный вечер, Тутси ринулась в душ.

В конце концов после всех своих утренних процедур, чашки крепкого кофе, после тщательного, искусного макияжа, она почувствовала себя бодрей, настроение улучшилось.

Тутси посмотрела на часы – скоро час.

Она набрала номер Риты – намылить ей голову. Но телефон не отвечал. Тутси включила музыку. Подстегнутая громким роком, она ощутила прилив новых сил и радость бытия.

И все же какая-то заноза противно саднила в душе. Ах да! Игорь. Нет, она, конечно, не забыла о нем, просто его образ как-то побледнел, стерся. Ну, встретились, ну, защитил, ну, мужик, конечно, второго такого не встретишь. Что поделаешь! Мало чего в жизни бывает хорошего, что не повторяется...

А вообще-то, интересно, что он в этот момент делает?

Глава II

«Звездные рыцари»

Игорь в этот момент заправлял машину. На чем свет стоит ругая комбинат, новаторство в современном автомобилестроении и своего начальника, не знающего покоя и мотающегося по Москве, так что приходилось заправляться по два раза на дню... Ну это ж надо! Ведь по идее-то как здорово «топить» машину газом – и дешево и чисто. В Европе, говорят, чуть не половина автомобилей газует. Да и у нас переходят на газ. Только вот кто на пропан, а кто, как он, на метан... И тут возникает закавыка. С пропаном порядок, и заправки есть, и ехать к ним на Сахалин не надо, – в городе они. А вот те, что на метане, – пардон. Для них имеется всего четыре заправочные станции, все за кольцевой дорогой, у черта на рогах. Пока доедешь, пока заправишься, чуть не полтора часа потратишь. Это если нет народа. А если есть...

И главное, всего тебе на полтора-два километра накапают. Получается, что половина одной заправки на заправку и уходит. Десять красных точек под приборным щитком гаснут одна за другой с такой быстротой, что и опомниться не успеешь. А уж когда остается последняя, зеленая, впору останавливаться и просить проезжего велосипедиста взять на буксир. Нет, надо же было такое придумать!

Что касается начальника, то он ничего, мужик неплохой. Благодаря своим гаишным связям сумел поставить на свою черную «Волгу» номера с МОГ, что не раз предохраняло Игоря от напряженных бесед с инспекторами и позволяло ему оказывать случайным торопящимся гражданам кое-какие небезвозмездные транспортные услуги.

– Все! Порядок. Приедешь за мной через час, нет, лучше через два! Желаю успешной индивидуальной трудовой деятельности, – говорил начальник в конце очередной поездки и, подмигнув Игорю, скрывался в очередном подъезде. (Дежурная шутка, которую Игорь не любил, она оскорбляла его гражданскую совесть.)

Газовая заправочная станция напоминала военный объект особой важности. Она стояла изолированно, на возвышении, ее окружала мощная стена из бетонных блоков. По периметру высились многометровые монументальные стальные громоотводы.

Во дворе находилось высоченное сооружение, напоминавшее разделенный на отсеки ангар. Каждый отсек отделялся от другого крепкой стеной. Вот в отсеках и заправлялись машины. Грозные надписи во всех концах запрещали курить, входить посторонним и т. д. Окончив заправку, Игорь залез в машину и включил печку. Это немного умиротворило его. Нажав клавишу, запустил кассетофон. Хриплый голос Розенбаума запел про березки средней полосы, где так хочется стреляться, про кильватерный гордый строй, про любимый Ленинград и про Маньку-стерву, из-за которой кореша не ходят к нему смотреть по телевизору футбол. Все вперемешку. Игорь любил «музыкальный фон» во время работы.

Сначала опасался, что начальник будет ворчать, но потом заметил, что тот слушает не без удовольствия и даже порой комментирует. Причем довольно неожиданно. «Надо для всех этих рок-ансамблей ввести нумерацию, иначе не отличишь, что музыка, что лохмы, что шум-гам, – совершенно одинаковые. А так можно объявлять: “Аквариум”, номер пять! громкость десять тысяч децибел! “Арсенал”, номер сто! громкость десять тысяч децибел, длина волос полтора метра, посещение бани раз в два года!” Как считаешь, Игорь, по-моему, здорово? Сразу знаешь, кто есть кто». И он весело смеялся. Но Игорь такого юмора не понимал. Он с уважением относился к любому труду. Ребята прыгают, бегают, чуть не ломают свои гитары. Орут благим матом, аж мокрые от пота... Это, между прочим, требует еще каких сил! Да и работать в таком грохоте нелегко. Вон лица какие у всех желтые, заросшие, щеки впалые, глаза больные, небось колются перед концертом. Бедняги.

Начальник Игоря, главный редактор всесоюзного спортивного ежемесячника «От старта до финиша» Иван Иванович Иванов, был человеком с некоторыми причудами. Считая (возможно, справедливо), что в силу огромной распространенности его имени, отчества и фамилии, читатели его не запомнят, он взял псевдоним. Для журналиста ничего особенного в этом не было. Особенным был псевдоним – Кларк Лембрэд! Обожавший научную фантастику, этот спортивный журналист не нашел ничего лучшего, как составить свой неудобопроизносимый псевдоним, используя имена любимых фантастов: Лема, Кларка и Брэдбери. Кларк Лембрэд! Это ж надо! Действительно, «брэд», как острил один его коллега. А начальник начальника как-то заметил ему, что иметь столь иностранное имя для редактора советского журнала все же неудобно. Но Иванов упрямо держался за свой нелепый псевдоним и рьяно доказывал право любого литератора брать такой псевдоним, какой захочет. Вспомните о Пупко, ставшем Мальцевым, или Клеменсе, ставшем Марк Твенем! Что касается «заграничности» псевдонима, то Иванов утверждал, что это повышает число зарубежных подписчиков возглавляемого им журнала. Иванов внешне являл полную противоположность тому, каким люди обычно представляют себе спортсмена. Он был мал ростом, кругом округлый – про таких говорят «так-на-так», – с животиком, с жирными руками, щечками, почти лысый. И мало кто знал, тем более помнил, что этот добродушный толстяк в молодости дважды становился чемпионом страны по борьбе, а войну прошел в полковой разведке и заслужил орден Красного Знамени, который никогда не носил. Зато – и это тоже было одной из его причуд – не снимал с лацкана пиджака довоенный значок ГТО II ступени!

Иванов был вечно переполнен идеями и своим энтузиазмом, новаторством, настырностью, энергией наводил страх на руководителей Спорткомитета, тренеров, коллег по печати. Он никому не давал спокойно жить и делал очень интересный, очень популярный журнал, который, впрочем, иной раз слегка заносило.

Игорь своим начальником был доволен. Во-первых, он всегда находился в курсе всех спортивных новостей и закулисных историй, во-вторых, имел пропуск и билеты на разные труднодоступные соревнования. Иванов устроил своего водителя в бассейн (откуда Игорь вскоре сбежал), в мотоклуб (где он бывал раз в сто лет) и, наконец, в клуб атлетической гимнастики. Вот сюда Игорь ходил охотно.

Кроме того, Иванов, пардон, Кларк Лембрэд, заразил своего водителя любовью к научно-фантастической литературе.

Игорь, как человек действия, сразу же «включился». С тем же прилежанием, с каким ходил он в свой клуб атлетизма, начал посещать клуб научной фантастики, который назывался «Ракета». Как новичку, ему поспешили рассказать, откуда взялось название. Оказывается, на первом же собрании развернулась бурная дискуссия. Было предложено множество наименований, начиная от броских, вроде «Агасфер», «Откровение», «Истина», и кончая труднопроизносимыми и труднопроизносимыми, например «Каналы на Марсе», «Когда над богами смеются» или «Живые протоны». Нынешнее название тоже родилось в муках. Кое-кто говорил, что понятие «ракета» ассоциируется сегодня с войной, а клуб должен бороться за мир и разоружение (такой пункт есть в его программе). Большинство объясняли название тем, что научная фантастика, словно ракета, несется в будущее. Педанты утверждали, что, во-первых, несутся не ракеты, а космические корабли, а во-вторых, не в будущее, а к иным мирам, что не одно и то же. Возникло предложение назваться тогда «Машиной времени». Но тут вспомнили, что так называется популярный рок-ансамбль. Члены клуба глубоко презирали эти современные группы заросших крикливых неандертальцев, каковыми они, не утруждая себя глубоким изучением вопроса, считали все рок-ансамбли. Название не прошло. Остановились на «Ракете». Неожиданно одна из немногих девушек – членов клуба, слегка жеманная, романтичная Иветта – льняные волосы, белая кожа, голубые глаза с поволокой, – заупрямилась.

– Ну мальчики, – тянула она плаксивым голосом, – ну что это за «ракета»? Мы ведь не теннисный клуб. Мы – рыцари будущего. Мы живем в звездном мире, мы небесные первопроходцы...

И сколько ей ни толковали, что «Ракета» – это не ракетка, что живут все пока еще на земле, она стояла на своем и в конце концов предложила назвать клуб «Звездные рыцари». Предложение, как ни странно, получило поддержку. Кончилось тем, что клуб обрел два названия: физики, как сострил кто-то, продолжали говорить «Ракета», лирики называли себя «звездными рыцарями» и ядовито окрестили первых «ракетчиками». «А это уже оскорбление! Это обвинение в милитаризме!» – возмущались те.

При всем при том в клубе царил атмосфера дружбы и единомыслия. В конце концов, все его члены любили научно-фантастическую литературу, читали, некоторые на иностранных языках, романы и повести современных фантастов и фантастов, которых широкий читатель не знал или забыл, азартно обсуждали прочитанное, спорили. Иногда принимались коллективные резолюции, письма в Госкомпечать или издательства с требованием переиздать то-то, не переиздать того-то, выражали поддержку одному автору, осуждали другого. Если получали ответ (что бывало редко), радовались, надувались от гордости. Порой устраивались встречи с писателями-фантастами, и это был настоящий праздник. Переписывались с другими клубами, даже с зарубежными. То был клуб читателей, любителей жанра. Но все же трое-четверо «попробовали себя в литературе», как они скромно выражались, и, когда у двоих в небольшом журнале напечатали по рассказу, – это было торжество всего клуба.

Собирались «рыцари» два раза в месяц в помещении одного сердобольного дэза. Начинали часов в семь, а заканчивали порой и в десять, и в одиннадцать часов. Но этого было мало. Отдельные группы встречались и чаще, летом прямо на улице, зимой, у кого можно было, на дому, в кафе, а то и в подъезде. Обменивались книгами, журналами, просто болтали.

Если б кто-нибудь захотел определить одним словом социальный состав этого неформального литературного объединения, как величали себя порой его члены, то оказался бы в затруднении. Среди «рыцарей» встречались школьники старших классов, ученики профтехучилищ, молодые рабочие, сотрудники научных институтов, учителя школ, несколько журналистов, два-три лейтенанта, служащие – телеграфистка, машинистка, маникюрша (Иветта), вот Игорь – шофер. Были и какие-то неясные личности, неизвестно чем занимающиеся, но частенько возникавшие на Арбате, одни уходили, другие приходили. Впрочем, таких набиралось немного. Немного было и «стариков» – кому перевалило за тридцать. Имелось даже два пенсионера. Те не пропускали ни одного заседания клуба, сидели от начала до конца и никогда не открывали рта. Каждый оратор тем не менее, закончив выступление, бросал в их сторону опасливый взгляд и, не обнаружив никакой реакции, облегченно вздыхал. Черт их знает – пенсионеры все-таки, от них всего можно ожидать! Итак, Игорь дважды в неделю (на большее его не хватало) посещал занятия атлетизмом. Дважды в месяц – «Ракету», были еще курсы на повышение водительской классности. И хотя, вопреки предположениям Тутси, не было у него постоянной девушки, но все же не постригался он и в монахи. Так что походы в кино, кафе, дискотеки, в компании тоже занимали вечера.

Такая вот напряженная жизнь. А у кого в его возрасте другая?

Сегодня Игорю предстоял особенно трудный день.

В два часа он отвозил начальника в аэропорт – тот летел куда-то за рубеж на очередной чемпионат, в четыре часа тренировка в клубе атлетизма, а в семь собрание «Ракеты» по особенно интересовавшему Игоря вопросу – какие книги рекомендовать издательствам для переиздания. Он надеялся услышать незнакомые имена зарубежных авторов. Дело в том, что иногда он просил своего шефа привезти из-за рубежа роман какого-нибудь не переведенного у нас фантаста и выгодно обменивал его на две-три книги любимых отечественных авторов. Например, привезенного ему Пьера Барбе «О чем мечтают псиборги» можно было сменять на

пару Стругацких или одного Парнова. Стругацких и Парнова он любил, а о чем пишет Барбе, представления не имел, поскольку не владел французским. Но кто-то охотно менял пусть и редкие книги «своих» авторов на еще более редкие иностранных. Были такие счастливики, знавшие языки! Каждый год Игорь давал себе слово поступить на курсы иностранных языков, год проходил, а он так и не поступал. Зато уж на следующий год...

– Интересно, – рассуждал по пути в аэропорт Иванов-Лембрэд, – как сочетается в человеке интеллектуальная и физическая мощь. Возьмем тебя! – Игорь бросил на своего шефа подозрительный взгляд. – Вон какие мышцы нарастил – смотреть страшно! («Ну уж», – недовольно подумал Игорь.) Небось «Волгу» запросто одной рукой поднимаешь, пока другой меняешь резину. И в то же время «звездный рыцарь», член клуба фантастов, – это тебе не детективчики, вся эта современная серятина. Фантастика – удел избранных умов. Твоего, например, – Иванов сделал паузу и деловито продолжал: – Или моего (Игорь облегченно вздохнул). Во мне наблюдается то же сочетание. Видишь? – Иванов не без гордости потрепал свой допотопный значок ГТО. – Сила тела! И фантастику обожаю – сила интеллекта. Это главное. И в этом мы схожи, – неожиданно закончил он. – А вот язык зря не учишь, – добавил Иванов.

Шесть почти свободных дней! На комбинате он скажет, что нужен в редакции, а в редакции, что занимается профилактикой на комбинате. Сам же будет потихоньку халтурить. Потихоньку. С умом. Сейчас в столовку, в гараж и на занятия. Он потянулся, поиграл могучими бицепсами. Хорошо! Игорь получал немалое удовольствие от собственной силы. Крепким парнем он был с детства, а уж теперь... Игорь не отличался воинственным характером, но частенько вступал в драки за своих арбатских, наводил порядок в своем 51-м доме и вообще... Ну а потом, девчонки таких уважают. Вот и эта, как ее... Наташа, которую он выручил тогда в электричке, какими она на него глазами смотрела! Небось пожелай он – и ничего не стоило к ней зайти, когда провожал. Так почему не зашел?..

Игорь задумался: действительно, почему? Он не любил врать, тем более самому себе. Что-то было в этой девчонке, чего не было в других. Или ему это показалось? Ну, красивая, тут ничего не скажешь, красивая до одурения. Упакована, как принцесса. Это как раз не важно, даже плохо – небось маменькина дочка, а маменька – директор комиссионки или овощной базы. Нет, все-таки главное, как на него смотрела! Как на бога. Вот! Никто еще на него так не смотрел, ни одна девчонка, ни один парень с его двора, никто. Столько было в этом взгляде благодарности, восхищения, преклонения и еще чего-то, главного. Игорь нахмурился. Попытался отогнать хвастливые мысли. Еще бы, спас, можно сказать. Какой человек не будет благодарен! И все же было в том взгляде...

Но он уже приехал...

Поставив машину, поболтав с ребятами, поспорив с диспетчером, ловко избежав встречи с начальником колонны, Игорь покинул комбинат и поехал в клуб.

Он задумчиво смотрел в проносившийся мрак туннеля, пока поезд метро мчал его на «Смоленскую». Интересно, где она, эта Наташа. «Звоните», – говорит, а куда? Чтоб позвонить, надо как минимум знать номер телефона. Он усмехнулся. Ладно, сколько ему еще разных Наташ в жизни встретятся?

Кооперативный атлетический клуб «Гармония» занимал подвал четырехэтажного старого дома в одном из арбатских переулков. На афише, украшавшей дверь клуба, был изображен могучий улыбающийся атлет. За атлетом маячила фигура усатого мужчины в тренировочном костюме. Он положил руки на плечи атлета, готовясь, видимо, сделать ему массаж. Всю эту внушительную, но довольно туманную композицию венчала надпись: «Гармония». Ниже, шрифтом поменьше: «Сила, красота, здоровье», а еще ниже совсем скромными буквами значилось пояснение: «Сочетание приятного с полезным за умеренную плату».

Занятия проводились два раза в неделю по два часа и стоили от трех до пяти рублей каждое. Умеренная плата или неумеренная? Судя по расценкам в других, куда менее качественных заведениях подобного рода, умеренная.

«Гармония» оказывала и другие услуги – медицинские консультации (трояк), массаж (от пятерки до десяти!), раздавала своим клиентам и рассылала желающим методички, комплексы упражнений и т. д.

Еще в первый день занятий Игорь долго изучал небольшую ксероброшюрку, на первой странице которой красовался все тот же атлет и заглавие: «Каноны мужской красоты».

Внимательно рассмотрев таблицу, Игорь убедился в том, что он, бесспорно, подпадает под самые строгие требования к идеалу упомянутой красоты. При росте 180 см он обязан был весить 95 килограммов, столько и весил, иметь объем бицепса 45 сантиметров, имел 47, груди 124, имел 123, талии 83, имел 83, бедра 63, имел 62, шеи 44, имел 43. Аполлон! Аполлон плюс-минус сантиметр!

Клуб этот создали предприимчивые люди, и зарабатывали они здесь дай бог! Как-то шеф рассказал ему, что кооператив «Гармония» насчитывает десяток членов и еще десяток инструкторов на договоре – все мастера спорта, разрядники по самбо, тяжелой атлетике, гимнастике. «Черные пояса» по карате, дзюдо. Весь день они честно трудились в обществах, техникумах, школах, за сотню-полторы в месяц, а с четырех-пяти часов до полуночи – здесь, в кооперативе, получая в четыре-пять раз больше. И надо отдать им должное, трудились на совесть.

Клуб был очень уютным. Здесь имелся зал для женщин, зал для мужчин, небольшой бассейн, две сауны, кафе, вернее чайная, где каждый мог не только попить чай и «Пепси-колу», но и пожевать баранки, сухарики, причем все бесплатно. Имелся медпункт, массажная, методический кабинет. А главное, все любовно, со вкусом отделано деревом, пол устлан паласом, стены сауны обиты кругляшами и украшены забавными картинками с выжженными изображениями. Светильники искусно скрыты, звучала тихая музыка. Обувь оставляли перед дверью зала, разговаривали негромко. Никто никуда не спешил. На всем лежала печать степенности, эффективности совершаемого. Инструкторы предельно внимательны, доброжелательны, к каждому занимающемуся имелся строго индивидуальный подход. Поэтому в группе нельзя было числить более десяти человек.

Группы были разные – девушек, молодых женщин и отдельно пожилых, юношей и мужчин. Приходили ради здоровья, ради силы, были и фанатики культуризма. На их фигуры страшно становилось смотреть. Какие-то чудовищные бугры мускулов!

Приезжал даже один восьмидесятилетний профессор! Впрочем, выглядел он шестидесятилетним мальчишкой.

Всего в месяц занималось человек пятьсот. Игорь как-то пытался подсчитать, какой же доход они приносят кооперативу с учетом массажа и брошюрок. Цифра получилась столь астрономической, что он сам себе не поверил.

По этому поводу у него возник спор с Люськой-культуристкой. Это была веселая, смешливая деваха лет восемнадцати, студентка ГЦОЛИФКа. Они познакомились в клубной чайной после занятий, где отдыхали, уже облачившись в свои повседневные одежды. Последнее обстоятельство сыграло немалую роль в развитии их отношений. Как-то так получилось, что, когда Игорь приходил на занятия, Люська уже выходила со своих.

Посиживали в чайной, потом пару раз сходили в кино, погуляли. Ну, в общем, начинали нравиться друг другу.

Но однажды Игорь по каким-то причинам пришел на занятие раньше и заглянул в женский зал, где еще тренировались девушки. Увидел Люську и испугался. В своих незатейливых туалетах Люська выглядела хоть и очень спортивной, но в конечном счете просто плотной, аппетитной девушкой. Сейчас же перед ним предстала иллюстрация из анатомического атласа.

Бугры мышц вздымались у Люськи на спине, на плечах, на животе, извивались, перекатывались. Ее ляжки были необъятны, мышцы нависали над коленями, не давали свести ноги, предплечья были толще, чем у иного мужчины бедра. Вся мокрая от пота, охая, как дровосек, с искаженным усилием пунцовым лицом, Люська «накачивалась» на очередном тренажере. Это было кошмарное зрелище. На том и закончился их не начавшийся роман. Перешел в «мужскую дружбу». Люська так ничего и не поняла, но не обиделась и не настаивала.

Вот с ней-то они и поспорили, возвращаясь однажды домой.

– Миллионеры, рокфеллеры! – восхищенно говорил Игорь. Восхищенно, но без зависти.

– Ну и правильно, работают ведь, – согласилась Люська.

– А я не работаю? Я, между прочим, с утра до вечера вкалываю. – Игорь начинал горячиться. – Да еще пока до этого чертового комбината доберешься. На эту, мать ее, заправку, к этому дурацкому...

– Да чего ты расшумелся?! – возмутилась Люська. – Не нравится – не работай. Вон иди в «Гармонию», они тебя с удовольствием возьмут, будешь тыщи заколачивать.

– И в час ночи домой являться, спасибочко.

– Ах, не хочешь! Ты хочешь час работать, но миллион иметь? Да? Или согласен шиш получать, зато ничего не делать. Да?

– Почему «ничего»? Я готов...

– Ты готов, ты готов, – Люську уже нельзя было остановить. – Удивительное дело. У нас люди почему-то согласны меньше получать, лишь бы бездельничать, а когда находятся такие, что готовы сутки вкалывать, зато и навар хороший иметь, так они, видите ли, «рокфеллеры»!

– Все должно быть разумным, – пытался внести ясность Игорь, – нормальная работа – нормальный заработок.

– То-то наш главный, председатель этой «Гармонии» Миша Крючкин, за свой полный рабочий день в техникуме двести рублей не получает, а он ведь спец. Кто тебе за такую зарплату работать будет? А здесь он будь здоров имеет, хоть и занят по горло.

– Не знаю, но так скоро никто работать не будет, все в кооперативы уйдут, – констатировал Игорь.

– Ну и слава богу. Может, тогда с них требовать будем как полагается.

На этом туманном выводе разговор закончился.

И вот теперь Игорь входил в клуб – «ощущал гармонию» (дежурная шутка). У дверей его встретил Мишка Крючкин. Невысокий, совсем не могучего вида, в своем поношенном костюме, в свитере этот гений дзюдо, карате, кандидат наук, казалось, существует во многих лицах. Он умудрялся одновременно быть и в женском, и в мужском залах, и в медпункте, и в методкабинете, руководить инструкторами, говорить по телефону, беседовать с занимающимися, что-то писать, что-то читать...

– Лосев, привет, – бросил он на ходу, – раздевайся и – в зал. – Это так, для порядка, словно Игорь без этих указаний наденет шубу и пойдет в чайную пить водку. Но, заведенный с шестнадцати ноль-ноль на деловитость, Крючкин ни на минуту не сходил с рельсов. Игорь снял ботинки, куртку и пошел в раздевалку. В женском зале он, как всегда, замедлил шаги, украдкой глядя на девчонок. В те же часы, что и он, занималась группа молодых. Таких, как Люська, среди них были одна-две, в большинстве же крепкие, с великолепными спортивными фигурами девушки, и смотреть на их голые ноги, плечи, спины доставляло Игорю тайное удовольствие, которого он, тоже тайно, стыдился.

Переодевшись, пришел в тренажерный зал. Здесь (приобретенные, как он узнал, за восемь тысяч) стояли одиннадцать тренажеров. То были сложные сооружения из стали, кожи, резины. Сходились и расходились ручки, рычаги, ползли вверх и опускались тяжелые металлические бруски на тросах, медленно поднимались противовесы... Здесь были аппараты для развития бицепсов и трицепсов, мышц бедер и голеней, спинных и грудных мышц, предпле-

чий, шеи и прочее. Лежали аккуратными стопками тяжелые «блины», гантели, штанги, пудовые и двухпудовые гири. Занимающиеся не спеша переходили от одного тренажера к другому, ложились на лежаки, вставляли ноги в стремена, крепко сжимали рукоятки и начинали упражнения. Раз, два, три... десять, одиннадцать, двенадцать. В зеркалах, составлявших стены зала, отражались сосредоточенные, напряженные лица, обнаженные тела. Инструктор переходил от одного к другому, бросал короткие негромкие замечания, иногда для показа сам выполнял упражнения.

Размявшись, Игорь лег на скамейку и начал отжимать от груди штангу. Потом приседал со штангой, разводил руки с зажатыми в них гантелями...

Но особенно он любил тренажер «Геркулес», рассчитанный на все группы мышц и на одновременное занятие на нем девяти человек. Надо сказать, что, кроме Игоря, никто почему-то этого гиганта физического развития не жаловал. И до прихода Игоря он одиноко томился в углу.

Позанимавшись больше часа, пошел в сауну. То был едва ли не самый приятный момент. Ах какое же это наслаждение! После таких тяжких нагрузок задышаться от жары, выскакивать пулей и бросаться в холодную воду бассейна, и снова входить в пекло, когда, кажется, глаза выскочат из орбит, и снова нырять в бассейн... А потом пить чай с баранкой, завернувшись в мохнатую простыню, и смотреть на смешных толстяков, изображенных на деревянных досках.

Наконец, не спеша одевшись, Игорь направился к выходу. Вездесущий Миша Крючкин достал его и здесь и, торопливо спускаясь по лестнице в подвал, бросил на ходу:

– Уходишь, Лосев? Ну, привет, смотри, следующий раз не опаздывай (Хоть бы раз Игорь опоздал!).

Игорь посмотрел на часы. Их привез ему шеф из какой-то заграницы. Этими электронными часами с будильником Игорь очень гордился.

Он забежал в гастроном, торопливо выпил три стакана кофе с молоком, закусив таким количеством бутербродов, что наверняка позволил буфету выполнить квартальный бутербродный план, и направился к Арбату. Теперь его путь лежал в «Ракету». Она тоже находилась на Арбате, возле его дома.

Игорь прекрасно знал, что поглощенные им бутерброды не насытят его после столь напряженной тренировки. Так что по пути он остановится у аппетитно пахнущих шашлыков, а если не пожалеет денег, так заглянет в «Мзиури».

Он шел по Арбату.

Он всегда гордился тем, что родился, вырос, живет здесь, что принадлежит к Великому Арбатскому Братству. Еще когда был маленький, когда не воспели Арбат известные писатели, поэты, художники, музыканты. К Арбату его приобщил дед, теперь уже покойный. Дед, коренной москвич, тоже родился на этой улице и, за исключением военных лет, прожил на ней всю жизнь.

Как и любой дед, он уделял внуку, к тому же единственному, все свободное время, а с годами времени этого, увы, оставалось все больше. И дед гулял с внуком, водил его в цирк и кино, читал ему. Он частенько устраивал Игорю экскурсии по Арбату, без конца рассказывал о каждом доме, переулке, дворе. И в конце концов Игорь пришел к твердому убеждению, что как Советский Союз – лучшая страна в мире, Москва – лучший город в стране (и в мире, конечно), так и Арбат – лучшая улица в столице (и вероятней всего, и на земле).

Однажды дед принес Игорю потрепанную, бог весть откуда взявшуюся книжку «На Великом морском пути». Автора он не запомнил – в книге рассказывалось о ежегодных миграциях птиц.

– Вот, – сказал дед, – они летают по тому Великому морскому пути в жаркие страны, от холода улетают. По весне обратно. А Арбат, внук, это Великий городской путь! Запомни. В нем хоть и километр, а все равно Великий. В жизни, может, придется улетать тебе в далекие

края, но все равно будешь сюда возвращаться. И вообще, где б ни жил, все равно будешь идти по Арбату, понял? И ногами по тротуару, по мостовой и сердцем и душой тоже по нему, по Арбату. Понял?

Игорь не понял, но на всякий случай кивнул. Они приближались к кафе-мороженому, и не следовало сердить дедушку.

Дед много рассказывал. Что он только не помнил!

Помнил, например, что по Арбату ходил трамвай («Как он только тут помещался?» – удивлялся Игорь), помнил, как именно на Арбате ввели, впервые в Москве, запрет на переход улицы где попало. Переходить разрешалось только на перекрестках, причем если смотреть от Смоленской, то к Арбатской площади полагалось двигаться только по правой стороне, а от Арбатской – по левой. Вдоль тротуаров тянулись веревки на столбиках.

Дед рассказывал о кинотеатре «Арс», помещавшемся в их доме (теперь там видеотека), о другом кинотеатре – «Карнавал» (сейчас это «карман» – ниша в здании военной прокуратуры, в доме 39). А был еще кинотеатр «Прага» в доме, где ресторан.

Был магазин-аквариум. Вахтанговский театр так не выпирал. Дед всегда мрачнел, вспоминая тот день, когда немецкая авиабомба угодила в театр, разворотив его, убив бухгалтера и знаменитого артиста со странной фамилией – Куза. Любимый дедушкин театр. К новому облику Арбата, который принял свою нынешнюю форму незадолго до кончины деда, тот относился без энтузиазма.

– Ну что это за театральные декорации! – ворчал дед. – Домики пораскрасили, как в театре, и фонари эти не под глазом, а прямо в глаза... (знаменитая шутка: «Арбат офонарел» – еще не родилась). Но все же дед смотрел на вещи трезво – лучше такой Арбат, чем никакого. Калининский проспект портил ему настроение: исчезли родные приарбатские переулки, скверики со старыми нянями, маленькие продуктовые и винные магазинчики, в которых «во времена деда» было все, чему полагалось быть...

Арбатом дед считал не только саму улицу, он распространял свои экспансионистские аппетиты аж до Пречистенки (Кропоткинской для него не существовало) и едва ли не до Остоженки в одну сторону и до Поварской («Не знаю никакой Воровского!» – в другую. Дед вообще пользовался какими-то доисторическими, по мнению Игоря, названиями: Денежный переулок, Большой Левшинский, Мертвый...

И все же он с удовольствием гулял по своему «сделавшему подтяжку» Арбату. В конце концов, хоть и перекрашенные, но дома в большинстве своем сохранились. Не все, конечно, так что поделаешь?..

– Это как на войне, внук, одних побили, другие вроде меня уцелели, но постарели. А взамен побитых молодые выросли вроде тебя... Ишь богатырь растет! И с домами так. Здесь знаешь какой особнячок стоял, загляденье! А теперь вон громадину возвели для начальства, небось по пять комнат на нос. Хоромы! – Такие вот проводил дед сравнения и заканчивал мрачновато: – Только что толку, ну ты маршал, лауреат Нобелевский, а на что тебе хоромы? Все там будем...

Дед тыкал пальцем в землю и грустно поглядывал на небольшие мемориальные доски в память Баграмяна, Шолохова, украшавшие стену одного из многоэтажных домов, кое-где возникших в приарбатском заповеднике.

– А вот тут мы Тольке Вихерту здорово надавали, – дед воинственно улыбался, вспоминая «битвы, где вместе рубились они», – теперь врач известный, член-кор. А тут Люська ютилась, мы у нее с Андреем Гончаровым виделись – она спец по древним языкам, а он – народный, режиссер номер один. В этом доме вахтанговцы жили, мы, помню, к ним ходили, теннисный корт у них был, смотрели там на Щукина, на Симонова, ну об этих слышал, а вот про Глазунова знаешь? Не знаешь. Я тебе расскажу...

И следовали бесконечные рассказы о людях, давно или недавно ушедших, великих актерах, общественных деятелях... Великих и не очень, о тех, кого дед знал, с кем дружил, кто был дорог его сердцу и памяти, с кем вместе воевал.

А теперь ушел и дед.

Но свою любовь к Арбату, его истории, его обитателям поселил в сердце Игоря навсегда.

Отец – другое дело. Геолог, он почти не бывал дома и, когда погиб где-то далеко в горах, исчез из жизни сына почти незаметно. Дед пережил зятя. Сестры, тетки, брат, еще какие-то родственники давно разъехались. Теперь из всей большой семьи остались мать да Игорь.

Мать, усталая и часто болевшая, вернее приболевшая, жила тихо, покойно, неторопливо, хлопоча по хозяйству, и принципиально не вмешивалась в Игореву жизнь. Когда он уходил и приходил, где бывал, что делал, ее не касалось. Быть может, она и хотела знать, но считала, что не должна задавать сыну вопросы – захочет, сам расскажет. А у него все времени не было... Но каждое утро, как бы рано он ни вставал, и каждый вечер, как бы поздно ни возвращался, он находил в их стерильно чистой кухне еду на столе, горячий чайник на плите.

Теплой, сытной, уютной жизнью жил Игорь дома. Но жизнь-то его в основном протекала вне дома. А там уюта и спокойствия было поменьше. Там никто его с завтраком на столе не ждал. Да и вмешиваться в его дела охотников хватало.

Ну что ж, на то и жизнь.

Игорь неторопливо шел по Арбату. Темные тучи низко нависли над городом, порой торопились куда-то, порой застывали неподвижно. Под ногами скользило. В домах зажглись огоньки. Но прохожих прибавилось.

Художники с покрасневшими носами тоскливо, но мужественно притоптывали возле своих шедевров – больших, не всегда понятных картин, крохотных, в основательных рамках пейзажей – зимний лес, закат, скошенный луг, березовая роща. Или старый московский переулок, набережная, ветхие окраинные домики. Были тут и карикатуры, и шаржи, и портреты. Чего тут только не было! И кого...

Нахохлившись спешащие арбатские аборигены возвращались домой. Постоянные туристы – зарубежные, иногородние и местные московские – обычная арбатская толпа. Ленивые фланеры, переходящие от одного художника к другому, задерживающиеся у одинокого гитариста или шумного трио, глазеющие на древние машины, кареты, огромных кукол, возле которых фотографировались малыши. У ароматных полевых шашлычных томились очереди, у входов в «Русские пельмени», «Арбу», «Мзиури», «Метелицу» – тоже.

На «плешке» возле магазина военной книги тусовались люберы. «Тоже мне люберы, – презрительно косился в их сторону Игорь, – а-ля люберы – вот они кто! Подделка. Приезжают из Новогиреева, Текстильщиков, да и «ждани» хватает. Попозже подгребут от Парка культуры... Смотреть противно! Напялили штаны не штаны – бананы бабские, а уж рубашки в тюремную клетку, конечно, застегнуты на все пуговицы, как же!» Некоторых Игорь знал – вон Лом, здоровый амбал, а вон Жук, не жук, а таракан вонючий...

Хипарей Игорь презирал еще больше. Что девки, что парни одинаковые – дурацкие прически, как у индюков, какие-то побрякушки навешаны, серьга в ухе... Те торчат на «решетке» около «Арбы». Иногда сидят с гитарами. Тренькают. Играть-то не умеют. Смотрят нахально да и выкинуть что-нибудь могут.

Не с ним, конечно, к такому не пристанешь. Он хоть и не любер, но выглядит как. И при этом не а-ля, а как настоящий. Изредка приходят компании афганцев в маскировочных куртках, в каскетках, десантные тельняшки видны из распахнутого ворота. К этим тоже не пристают, не дай бог, себе дороже. Неуверенно проходят девчонки парами. Намалеванные, в черных чулках, расписанных, как географические карты. Стреляют глазами... Дешевки. Настоящие поблядухи сюда не ходят, на ком здесь заработать?

Своих, арбатских, подлинных, не то что вся эта пенка, еще не видно. Они соберутся попозже у «Арбатского бистро», дом 49, у «стояка».

Игорь идет дальше, сворачивает в Калошин переулок, доходит до Сивцева Вражка, идет налево. Там, в полуподвале, в большой неухоженной комнате, которую дэз предоставляет «Ракете» для ее заседаний, и собираются «звездные рыцари».

Он скользит, спускаясь по обшарпанной лестнице, чуть не стучается головой о низкую притолоку, спотыкается о какую-то шелуху.

Что-то сегодня он очень рассеянный.

Ну не из-за этого же! Да нет, именно из-за этого. Когда уже подходил сюда, ему внезапно, непонятно почему, вспомнилось, как на Смоленской, случайно взглянув на проезжавшую заграничную машину, он увидел мелькнувшее на мгновение женское лицо. Почему оно так привлекло его внимание, кого напонило? И только вот сейчас он вдруг сообразил: очень похожее лицо было у той девчушки, Наташи, которую он выручил в электричке, точно! Просто жутко похожа. Игорь понимал, что это случайное сходство, что та девушка никак не могла разъезжать в роскошной иномарке с каким-то иностранцем. И все же промелькнувшее лицо напонило ему ту девушку. Ну напонило и напонило, черт с ним! Но вот то, что это отразилось на его настроении, вызвало какое-то непонятное тоскливое чувство, какую-то досаду, — было необычным. Ведь до чего ж эта девка занозила его!

Игорь усмехнулся про себя и вошел в огромную комнату, набитую народом. Под потолком висели мощные лампочки без абажуров. Сидели кто на стульях, кто на досках, положенных на две табуретки, а кто и на столах. Столов, кажется, было больше, чем стульев, а еще вешалки, грифельные доски, этажерка. На стенах наклеены «фрески», посвященные темам научной фантастики — дивные миры, пейзажи неоткрытых планет, космические корабли...

Народ — все больше молодежь — одет скромно и небрежно, ну кого здесь интересует одежда, когда речь идет о внеземных цивилизациях и таинственных мирах.

Болтают, шелестят листами газет, книг.

— Давайте начинать, — тихим голосом говорит председатель, очкарик с круглой бородкой.

Когда в комнате стало потише, он продолжил:

— У нас сегодня на повестке дня обсуждение списка на переиздание произведений научной фантастики, которые мы рекомендуем переиздать...

— Кому рекомендуем? — бас из последнего ряда.

— Госкомпечати, издательствам, — отвечает председатель.

— Госкомпечати на нас наплевать, — тот же бас.

— Издательствам тоже, — тенор из первого ряда.

— Тихо, — председатель начинает раздражаться. — Они сами просили. Идет социологический опрос. В выходящей «Библиотеке научной фантастики» много пробелов. Намечается еще одна «Библиотека», и тут мы можем сказать свое слово.

— Им на нас наплевать, — бас из последнего ряда.

— Ой, хватит тебе! «Наплевать, наплевать», заладил, как попугай, — это мрачный бородач у стены.

— Мы ничего не теряем, — пытался успокоить сидящих председатель. — Ну, не прислушались, и ладно. А вдруг? Вдруг хоть что-нибудь да учтут?

— Ну, мальчишки, — занудный жеманный голос (конечно, Иветта), — это же так хорошо — помечтать! Помечтать, что к тебе прислушаются...

— Давайте ближе к повестке дня, — деловой голос от двери.

— Вот именно, — облегченно вздыхает председатель. — Предлагайте.

— Андрей Белый, трилогия!

— Крыжановский «Желтый уголь»! Ну про энергию человеческой ярости...

— Гончаров!

- Житков!
- Ромов!
- «Заря новой жизни»! Этого... Гар... Гар...

Все кричат. Сосредоточенная девица в очках, высунув язык, словно первоклашка, старательно записывает.

- «Хулио Хуренито» Эренбурга!
- «Психомашина» Стругацких!
- «Слава богу, хоть одно знакомое имя», – думает Игорь.

– Наш вариант «Янки при дворе короля Артура»: «...роман». Какой-то «роман». Я забыл!

- «Шесть спичек»!
- Не надо «Шесть спичек»!

Крики несутся со всех сторон. Игорю становится скучно: кроме Стругацких, он никого из названных авторов не знает. Рассеянным взглядом он шарит по стене, натывается на красиво выполненный лозунг: «Люди перестают мыслить, когда перестают читать. Дидро». Правильно сказано. Точно. Интересно все-таки, что за девочка эта Наташа. «Звоните». Легко сказать...

- Кольцов «Как члены политбюро обрели бессмертие»!
- Правильно! Здорово! Конгениально!
- Булычев «Тень императора»!
- Эту гадость издавать незачем! – это парень в свитере, раскрашенном под старинную

географическую карту.

- Головачева!
- Да громче, громче, а то эти нахалы нас забывают!
- «Кого кто забьет? – размышляет Игорь. – Орут-то все одинаково громко».
- Днепров!
- Днепров устарел!

Еще некоторое время царит шум, наконец постепенно утихает.

– Ну что, иссяк ручеек? – улыбается председатель. – Тут есть одна идея. Пошлем наш список в газету «Книжное обозрение». Пусть другие читатели выскажутся...

– Да кто его читает, это «Обозрение»? О нем никто ничего не знает. Они там публикуют списки чего попало, вернее, чего хотят, а потом выдают это за читательское мнение, – это парень в свитере – географической карте.

- «Патент АБ» Лагина! – снова начинается крик.
- «Первый удар» Шпанова!
- Одурел!
- Геворкян!
- Правильно. «Не открывай шлюзы – хлынет»!
- Палея!
- Да ему скоро сто лет! Ровесник Маяковского.
- Вот-вот – это прямо научная фантастика!

Все хохочут. Из уважения!

- Тогда и Немцова...

Игорь снова смотрит на стену: «Чтение – это один из истоков мышления и умственного развития. В. Сухомлинский».

- Перерыв, – объявляет председатель.

Все шаркают ногами, стучат стульями, шумно продолжают обсуждать предложения. Многие уходят курить. К Игорю подходит Олег. Как всегда элегантный, при галстукке, на лацкане синего блейзера значок – земной шар на фоне усыпанного звездами неба и буквы КЛНФ – Клуб любителей научной фантастики.

– Привет.

– Привет.

Олег опасливо протягивает Игорю руку. Он хорошо знает силу его рукопожатия. Но все обходится без травм.

– Ну как тебе?

Игорь молча пожимает плечами.

– Знаешь. – Олег сосредоточенно хмурит лоб. – У нас какой-то аполитичный клуб. Всюду перестройка, новое мышление, обновление, а мы все в старине копаемся. Ну что это за книги – «Патент АБ», «Гиперболоид инженера Гарина»? На Западе нас на сто световых лет обогнали. Мы же – то ли в будущем, то ли в прошлом. Надо немножко и в сегодняшнем жить.

– Как, например? – Игорь насмешливо смотрит на Олега. Он почему-то не воспринимает его всерьез. Вернее, ему кажется, что тот всегда как-то делано говорит, искусственно.

На этот раз плечами пожимает Олег:

– Не знаю. Ну... вот, например, СОИ. Это же фантастика, но и сегодняшний день. Почему у американцев она есть, а у нас нет? Почему нам не сказать свое слово о том, чтобы мы создали СОИ? Или наоборот, чего на нее тратиться? Тем более если она не эффективна? А если нельзя от ядерных ударов эффективно защищаться, так зачем вообще нам армия? Мы же ни на кого нападать не собираемся, а ракет в случае настоящей войны у нас хватит. Так зачем, я тебя спрашиваю, нужна нам армия?

– А при чем тут фантастика? – спрашивает Игорь.

– Как же, ядерная война, СОИ, «звездные войны», будущее человечества – это наша тема. Только надо поактивней. Вот я читал на английском...

Тут – да, тут у Олега явное преимущество, он здорово знает английский, читает, приносит книги на обмен.

– Слушай, у меня есть пара романов, но учти – на французском. Меняю на «Третий глаз Шивы». А? – предлагает Игорь.

– Порядок, – радуется Олег, – как раз положил «Глаз»... на полку, – смеется собственному каламбуру. – Ничего, я потом твои французские превращу в английские, – загадочно говорит он.

Игорь вынимает «Зачарованную планету» Барбе и «Хрустальное дерево» Райана (русский перевод названий у него записан на бумажке), протягивает Олегу.

– Тип-топ! – Они хлопают друг друга по ладоням. Сделка состоялась.

– «Шиву» принесу завтра на «стояк», – заверяет Олег. – Но ты подумай о том, что я сказал, надо поближе нам к сегодняшнему дню, поближе.

– Подумаю, подумаю, – заверяет Игорь. Делать ему нечего, как размышлять над разными дурацкими предложениями этого пижона, не обманул бы с «Шивой»... Игорь покидает очередное заседание клуба с двойственным чувством: с одной стороны, здорово, если все, что они тут накидали, там примут и издадут (Игорь не очень ясно представляет, где «там»), с другой – как же он мало знает эту фантастику, как мало читал. Прав шеф, надо больше читать.

Но, в общем, он доволен: день прошел хорошо, насыщенно, он ощущает ясность в голове, мощь своих мышц, радость жизни. Сейчас зайти бы куда-нибудь в «Арбу», чьи призывные огоньки светили ему, или в уютный подвал «Мзиури» с его цветками-витражами и аппетитными запахами. И посидеть с приятной девчонкой. Например, хоть с этой Наташей. Тьфу черт! Опять эта Наташа, прямо как банный лист.

В «Мзиури» все-таки зашел и съел три порции хачапури. Наконец пришел домой, проглотил оставленный мамой (уже давно остывший) ужин. И лег спать. Он испытывал блаженную усталость и чувство удовлетворения. «Это лучшие снотворные», – говорил шеф. Правда, в снотворных Игорь не нуждался. Не успев коснуться головой подушки, он обычно тут же проваливался в сон.

В таких вот не столь уж крупных радостях, заботах и мелких огорчениях текла Игорева жизнь подобно потоку арбатских прохожих: веселых и мрачных, деловитых и праздных, беспрерывно наполнявших эту улицу; потоку то мелевшему, то густевшему, но никогда, даже в самый поздний час, не иссякавшему.

Текла эта жизнь, текла, пока не случилось в ней событие, на первый взгляд не очень уж значительное, но приведшее в будущем к последствиям наиважнейшим: Игорь снова встретил Наташу.

Может показаться странным, но Игорь, коренной «дворянин арбатского двора», не столь уж часто разгуливал по прилегающей к нему территории, по «сельве», простирающейся до Кропоткинской или до Воровского. Поэтому возле высокого дома на улице Веснина, с глазурованной плиткой по фасаду, в котором обитала (а не «работала») Тутси, он не бывал, хотя и жил меньше чем в километре от нее.

Да и как они могли встретиться? В Смоленский гастроном Тутси не ходила, по Арбату не гуляла, домой возвращалась под утро, незадолго до того, как Игорь просыпался. Да и вообще пешком она ходила редко, обычно подъезжала на такси.

Не должны были пересечься их пути.

А вот поди ж ты, пересеклись.

В тот вечер Игорь возвращался из своего клуба «Гармония», испытывая после напряженных занятий и еще более напряженной сауны благолепное настроение. И неожиданно ему захотелось пройтись. Он свернул на Сивцев Вражек, прошел Плотников переулок, постояв на углу и поколебавшись, пошел не направо, а налево, вдоль улицы Веснина. Он решил прогуляться до итальянского посольства и, сделав крюк по Садовой, вернуться к себе.

Он неторопливо шел по знакомому переулку. Вот справа неприглядный двор Министерства иностранных дел, заполненный машинами. А вот слева какой-то хитрый родильный дом, кремлевский, что ли? Где рождаются одни гении. Дальше небольшой особняк. В том особняке, по рассказам деда, помещался некогда женский вытрезвитель. Дальше был еще один особняк, какое-то посольство (в прошлом в нем помещалось посольство Израиля).

Игорь дошел до угла. Наискосок возвышался тот самый дом, где жил нарком просвещения Луначарский. Игорь стоял возле дома, куда в тот вечер он проводил Наташу.

Он уже научился, мягко выражаясь, не всегда говорить людям правду. Но себе самому врать еще не умел. Поэтому состоялся внутренний монолог: «Не валяй дурака – не прогуляться тебе хотелось, а дойти до дома, где живет она, эта Наташа. И жутко тебе хочется “случайно” встретить ее... Потому что сидит она в тебе занозой, непонятно почему...» Далее следовал длинный пассаж, объяснявший, почему это непонятно. Отметались все недостатки Наташи (о которых он ничего не знал) и все достоинства других знакомых девушек (о которых он тоже мало что ведал). Словом, Игорь энергично вытаскивал из себя занозу. Трудно сказать, во что бы вылилась эта, в общем, банальная ситуация, если б... не открылась дверь подъезда и из нее во всем своем великолепии не выплыла Тутси. Ей в этот вечер, раньше чем идти на «службу», вдруг тоже захотелось пройтись пешком.

Случай небывалый. Ну как тут усомниться в Высших Силах, которые, мало интересуясь нашим мнением, плетут нити наших судеб, порой на наше счастье, но как часто на нашу беду...

Некоторое время они стояли молча, уставившись друг на друга. А потом произошло неожиданное...

Тутси сделала навстречу Игорю шаг, еще шаг, решительно взяла его под руку и повлекла к подъезду, вверх по лестнице; путаясь в ключах, отперла дверь, втащила в квартиру, в комнату, подтолкнула к широкому дивану, служившему и постелью, сорвала (именно сорвала!) с него одежду, обрывая пуговицы, скинула свою и, вцепившись в него с такой силой, словно висела над пропастью, вместе с ним упала на диван.

Вряд ли они отдавали себе отчет в происходящем, вряд ли вообще что-нибудь соображали в тот момент.

Тутси казалось, что ее подхватил какой-то жаркий ветер и уносит, уносит...

Но вдруг она почувствовала то, чего еще никогда не испытывала в жизни. Словно взрыв, словно в ней взорвался солнечный шар! Такое яростное, такое жгучее наслаждение, что неожиданно для себя она громко и отчаянно закричала. То был неистовый крик, крик невозможного счастья. Она закричала снова, еще громче.

Тутси не думала, слышит ли ее кто-нибудь, она ни о чем не думала, сумасшедший вихрь увлек, закрутил ее, а все остальное не имело значения, не существовало, проносилось мимо. Она теряла сознание, растекалась в пространстве, куда-то летела...

Боже, до чего жалким было то бедное удовольствие, которое порой, столь редко, получала она с иными своими партнерами. Сейчас пришло открытие, откровение, начало новой жизни.

Игорь мягким быстрым движением прикрыл ей рот рукой. Он с нежностью, тайной гордостью смотрел на ее пылающее лицо, на плотно зажмуренные, мокрые от слез глаза. Он крепко держал ее.

Наконец тело Тутси обмякло. Она тяжело дышала, грудь ее быстро поднималась и опускалась, волосы прилипли ко лбу. Кожа блестела от пота. Глаз она не открывала.

Постепенно Тутси возвращалась на землю со своих небесных высот, куда вознесло ее никогда дотоле не испытанное наслаждение, куда она отчаянно, ступень за ступенью, карабкалась все предшествующие минуты, судорожно, бешено вцепившись в Игоря, чувствуя нарастающую с неудержимой силой волну, пока не унеслась, не опрокинулась в ту заоблачную пропасть.

Они лежали долго, не шевелясь, так и не произнеся ни слова с той самой минуты, что столкнулись лицом к лицу у подъезда ее дома.

В комнате было темно, дальний свет уличных фонарей слабо освещал контуры предметов, кое-где блестками отражался в хрустальных рюмках в горке, в металлической ручке кассетофона, какого-то сувенира на стене. Совсем издали, с Садового кольца, доносился беспрерывный шелест машин, шорох начавшегося дождя... Тихо и покойно было в уютной, теплой квартире. Пахло духами, сброшенной на пол одеждой, любовью...

И тогда пришел страх. На Тутси нахлынул панический ужас. А вдруг это в последний раз! А вдруг он уйдет, и больше она его не увидит! Не окажется в его могучих объятиях, не испытает то, что испытала, что невозможно описать, а лишь пережить, то, ради чего, как ей теперь казалось, только и стоит жить на земле! А может, все это вообще сон? Ничего не было? Она просто идет по улице и мечтает. Добредет до своей «служебной» хаты, дождется Гора, выпьет с ним рюмку, послушает его умные речи и покорно завалится в постель, чтобы, получив скромное удовольствие («О господи, это называется удовольствием!»), зайдет в душ, а потом проводит Гора до дверей с тайным облегчением.

Или промокнув и продрогнув у дверей «Националя», приведет к себе очередного подвыпившего, но щедрого партнера, равнодушно и брезгливо даст себя исполнить и уже не с тайным, а с явным облегчением выставит его за дверь. И получит удовольствие, лишь пряча в потайной ящик полторы сотни «гринов». Она лихорадочно протянула руку, нащупала горячее тело Игоря. Нет, это не сон, не мечта, вот он тут, рядом, тот, кто открыл ей смысл жизни.

Тутси повернулась к Игорю, судорожно обняла его, прижалась. И все повторилось...

Лишь к утру, истомленные, они забылись коротким сном.

Какая ночь, какая сумасшедшая, волшебная ночь!

Утро принесло ощущение прозы жизни. Игорь заторопился – у него были дела в комбинате. Тутси, призвав на помощь все свое умение, готовила завтрак. Поколебавшись, все-таки не выставила на стол ни виски, ни коньяка, ни ликера. В свою крепость она никого не пускала, вот Игорь – первый. Он имеет на это право, его бы она никогда не привела «туда», там была

работа, здесь – жизнь. При одной мысли, что Игорь мог бы сейчас отсчитать деньги и вручить ей, Тутси обдало жаром. Господи, все деньги, что есть у нее, и прежде всего себя, всю, без остатка, отдала б она ему за одну эту ночь!

Игорь не стал делать зарядки, бриться (откуда у девушки бритва?). Поел, оделся и, поцеловав Тутси, направился к двери. Она стояла в нерешительности. О чем они говорили, проснувшись? О чем попало, только не о любви, не о том, что было между ними. Об Игорева работе, о каких-то телефильмах, об Арбате, спорте, погоде, еде, квартире... Черт знает о чем, только не об этом.

А сейчас он уходил. Но Игорь вдруг затоптался у двери.

– Телефон-то дашь? – спросил он наконец.

Тутси чуть не задохнулась. Господи! Ну что с ней!

Ведь он мог уйти так, не записав номер телефона, и все прервалось бы, они больше никогда бы не встретились, он исчез бы из ее жизни... Панические мысли пронеслись в ее голове, пока она отрывала листок календаря с сегодняшним числом, искала ручку, записывала номер.

– Ты позвонишь? – она просительно заглядывала ему в глаза (да что с ней?!). – Дай слово, что позвонишь. Дай слово!

Игорь улыбнулся, погладил ее по свежей поутру, ненамакияженной щеке.

– Да, позвоню, позвоню, позвоню, куда я от тебя денусь. Теперь-то. – Он снова поцеловал ее, нежно, быстро, не так, как ночью... и осторожно закрыл за собой дверь.

Тутси опустилась в кресло, едва не плача. От чего? От счастья? От страха? От волнения? От благодарности судьбе?

«А вдруг не позвонит?» – обожгла страшная мысль. И тут же обдало холодом – она-то у него телефон не спросила! Какой ужас! Что вообще она о нем знает кроме того, что он шофер, ходит заниматься атлетизмом, любит научную фантастику? Что, что она знает о нем?

Женат ли он? А может, у него есть сын, или дочь, или, например, трое детей? И кто она, Тутси, для него. Может, у него дюжина таких? Вот ушел от нее, да не на работу, а к другой, и проведет с той весь день. А потом всю ночь еще с одной. Такой мужчина может заниматься любовью хоть неделю без усталости (при воспоминании о минувшей ночи у Тутси по телу пошли мурашки). Может, эта Великая для нее ночь для него обычный эпизод? Это для всех этих ничтожеств Тутси драгоценность, за которую надо платить огромные деньги – за ночь, за час да хоть за пять минут, кому что по силам. А он небось только пальцем поманит – любая прибежит да еще будет хвостом вилять. Господи, а вдруг не позвонит! Неподвижно сидя в кресле, Тутси мысленно металась, не находя себе места, переходя от радости к отчаянию, кляня себя за то, что не удержала, не проводила (узнала бы, где живет, работает), не взяла номер телефона, не подарила чего-нибудь на память (заинтересовала бы, но при этой мысли чуть не сгорела от стыда).

Что делать? Что делать?

Это жуткое состояние прервал звонок Риты:

– Эй, подруга, ты куда окунулась? Ни головы, ни ж... не видать. Вчера два фрайера – финиш! А тебя нет. Пришлось одной обслуживать, – она хрипло рассмеялась, – зато отстегнули большой косач. И надралась, кошмар. Сегодня еле глазки распахнула. Заедешь?

– Заеду, – сказала Тутси. Ритка – не лучший вариант, но оставаться сейчас в одиночестве она просто не могла. – Беру тачку и – у тебя.

У Риты она отвлеклась. Подруга подробно и с удовольствием повествовала об удачном бизнесе, совершенном накануне, показала новое приобретение – какой-то меховой жакет, намекнула на брачную перспективу с одним прытким аллюрцем, осудила все в большем числе болтающихся под ногами дешевых раскладушек.

Эта болтовня постепенно спускала Тутси на землю, уводила в туман минувшую ночь, которая все больше превращалась в нереальный сон.

Тутси поняла, что, если Игорь исчезнет, даже навсегда, из-за этого все же не следует кончать жизнь самоубийством, что вообще жизнь продолжается, что есть у нее профессия, и при том весьма доходная, есть Гор, вообще много чего есть. А Игорь, в конце концов, был светлым лучом, он показал ей же самой, какая она женщина. И было бы, конечно, хорошо, чтоб он остался, но если его не будет, что ж, значит, не судьба. И потом, как бы она объяснила ему, чем занимается, кем работает, как зарабатывает? Откуда видик «Акай», всякое богатство? Как бы познакомила со своими подругами? Ритой, например. Она иронически усмехнулась. Картина! А как растолковать парню, почему она занята едва ли не каждый вечер и где бывает по ночам, почему не отвечает телефон...

Так она постепенно успокаивалась.

А вечером на «хате» приняла Гора, который принес ей целую сумку новых кассет с американскими детективными фильмами, какие-то французские ароматные губнушки, бутылки виски, яичный ликер «Мартель», пачки резинок, и жевательных и тех... в общем, всякую дребедень, необходимую в хозяйстве. Гор – хозяйственный мужик. Помимо лавы он периодически приволакивал разные нужные вещи, иногда даже колбасу, сыр, какие-то невиданные консервы, соки, приправы.

Потом Гор на неделю слинял, и Тутси пробовала случайных партнеров. А тут пришла масть: в «Сокольниках» открылась очередная выставка и началась напряженная работа, по двести ходки в ночь, они с Риткой аж похудели, под глазами синяки до колен. Зато приемщикам – лафа, что ни день, сотни и «первых», и «вторых», и «третьих», а один партнер из косых пытался даже какими-то вонями заплатить. Она ему показала, что такое «вон», он у нее быстро вон вылетел, расплатившись «гриннами». Словом, неделя эта принесла немалый навар.

Прямо передохнуть некогда.

Постепенно та ночь уходила в туман все больше. И только мысленно сравнивая своих партнеров с Игорем, Тутси тоскливо вздыхала. Зато, вспоминая то, что пережила тогда, она куда искусней подыгрывала всем этим ничтожествам, изображала немыслимую страсть, и они уходили, преисполненные гордыней, восхищенные собственным мужским могуществом. И оттого становились щедрей.

Она попыталась однажды проделать то же с Гором, но, поймав его пронизательный иронический взгляд, прекратила свои усилия. Гора в этом деле не обманешь. Как, впрочем, и ни в чем другом.

Время шло, и жизнь шла, как раньше.

Но однажды, когда Тутси забыла накануне выключить телефон, в невероятную рань (часов в одиннадцать утра) раздался звонок. Внезапно разбуженная, Тутси сняла трубку.

– Смотри-ка, – услышала она бодрый голос, – ты, оказывается, иногда бываешь дома!

– Кто это? – недовольно пробормотала Тутси, готовая отчитать нахала.

Но тут ее осенило!

– Игорь, ты? – У нее даже голос сел от волнения.

– Я, а кто ж еще, не рада? – он говорил громко, как-то преувеличенно весело.

– Рада! Ужасно рада! Ты почему так долго не звонил? – Тутси ерзала в постели от возбуждения, перехватывая трубку из руки в руку.

– Почему не звонил? Да вот все пытался от тебя вылечиться, – проговорил он совсем другим, глухим голосом, – видишь, не получилось...

Она молчала. У нее не было сил говорить, такая огромная волна счастья накатила на нее.

– Приходи сейчас же, – хрипло прошептала она.

Игорь ничего не сказал, только веселые короткие гудки раздались в трубке.

Глава III

Специальный корреспондент

Он возник так быстро, что Тутси поняла: звонил из ближайшего автомата. Она даже не успела ни надраиться, ни упаковаться, так и встретила его – золотистые волосы рассыпаны по плечам, на ногах шлепанцы. Бросилась ему на шею, еще теплая со сна, счастливая. Первые часы этого незапланированного свидания были отданы любви.

Тутси не могла отвести глаз от Игоря. На кого он похож? Господи, да на Рэмбо! Это же Рэмбо! Такие же мощные мышцы, великолепное тело, мужественный взгляд. Как тогда испугались его эти подонки! Рэмбо! Тутси совсем таяла от восторга. И он принадлежит ей. А вдруг нет?

Она как будто бросилась в ледяную воду:

– У тебя никого нет? Скажи честно, у тебя есть другая девушка, которую бы ты любил? (Тутси говорила на несвойственном ей, давно забытом языке.)

– Да брось, Наташка. – Игорь смотрел на нее улыбаясь. – Нет у меня никого. Ты есть. Да, что значит «у меня»? Это ты должна сказать «у меня» или нет...

– Да ты что! – она вскочила ему на колени. – Как ты можешь так говорить?! – В один момент она позабыла и Гора, и бесконечную вереницу партнеров.

– Я ничего не говорю, – он опять улыбался, – это ты говоришь.

Помолчали.

– Слушай, Наташка, мне мой шеф дал на сегодня пару билетов в киношку. Просмотр какой-то. «Маленькая Вера». Говорят, сенсация. Попасть – все равно что «жигуль» выиграть. Махнем?

– Конечно! Когда?

– На двадцать один час. – Игорь вынул билеты. – Это в «России». Я тебя у Пушкина буду ждать без четверти. О'кей?

– О'кей, не опоздаю. А ты сейчас спешишь?..

– Еще часок есть, – он бросил взгляд на часы, похвастал: – Подарок шефа, американские.

Неожиданно у Тутси навернулась слеза... О господи, этим часам, которым он радуется, цена-то – небось и десяти долларов не будет. За одну ночь она пятнадцать пар таких зарабатывает. Сволочь она. Стерва! Ну стерва! Она чуть не заплакала – так ей стало жалко его. И себя тоже.

Игорь ничего не заметил.

Тутси мчалась к «России», словно удирала от «госприемки».

От похода в кино оба получили немалое удовольствие, а вот сам фильм вызвал оживленную дискуссию. Тутси картина не понравилась.

– Ну к чему это все? Девка какая-то недоразвитая. Сама не знает, что хочет. Отец – дундук, небось глотает аптеку. И потом, к чему это показывать, как он исполняет ее, да еще в юбке...

– Что он делает? – не понял Игорь.

– Ну, трахаются они, – спохватилась Тутси, – помнишь, там? К чему это на весь экран показывать (она была оскорблена в лучших чувствах).

– Это ерунда, – отмахнулся Игорь, – сейчас без этого фильмов не бывает, никто смотреть не пойдет. Не знаю, мне понравилось. Ну, подумай, Наташка, это ведь жизнь. Что у нас, пьяниц нет, проституток, наркоманов всяких? Вот у меня один кореш есть, Егор, чуть до белых голов не обдвинулся – совсем занаркоманился. Но, понимаешь, как-то вывернулся, вроде нормальной стал. Правда, иной раз глотает «колеса», пилюльки любые, но уже на игле не сидит...

– Игорь, скажи, ну зачем все это показывать, лишний раз на болячку наступать. И так кругом вон чего творится, а тут еще всякие гадости...

– Как зачем? Пусть видят, может, поумнеют. Нет, хороший фильм. Мне понравился. А тебя, конечно, ты девочка, существо нежное, тебя коробит, «ах-ах!». Куда деваться, раз есть такое?

Эта «высокоинтеллектуальная» дискуссия продолжалась до самого Тутсиного дома и закончилась, лишь когда перешли к любви не экранной, земной.

На следующий день Игорь уезжал в командировку в Горький за новой машиной.

И не успела Тутси прийти на «хазу», как объявился Гор. Как всегда элегантный, сдержанный, с подарками.

– Мадам Тутси, последнее время вы куда-то таинственно исчезаете. Я могуче ревную. Надо о себе напоминать. Приехали мои друзья, и по этому поводу существует предложение посетить бар в Международном центре. О'кей?

– О'кей, – сказала Тутси без прежнего энтузиазма, что не укрылось от Гора.

Вечер закончился утром. Гор остался у нее ночевать, и, отдав долг за полученные «гроши», Тутси еще долго лежала рядом со своим ровно дышавшим во сне партнером, глядя широко раскрытыми глазами в потолок.

Как быть, что делать? Гор не был ей противен, наоборот, симпатичен. Интересный мужчина, щедрый, остроумный, много знает, никогда не позволит себе никакого хамства, наоборот, вежлив, предупредителен. С ним веселее, да и привыкла.

Но и с Игорем... Игоря она любит, или любовь – это что-то другое?... И он ее любит. И не за деньги. Ну а главное, какой же он замечательный любовник! Какое с ним наслаждение, какое счастье!

Так что делать?

Душа ее была в смятении.

И, как ни странно, успокоение внесла эта бактерия – Ритка. В какой-то момент Тутси не выдержала – раскололась. Не полностью, конечно, частично, в ограниченном количестве. Просто сказала, что встретила парня, что в постели – прямо финиш, погибнуть можно. Но далек от ее дел, вообще от таких дел. Как совмещать?

– Дура, промокашка, – элегантно прокомментировала Рита, – в чем проблема? Ну представь, Гор – твой муж: обязан обеспечить, а ты ему даешь раз в неделю, жена все-таки. Так? Обязана, законная, комфорт оплачивать? Обязана. Тем более говоришь, он в работе не кролик. А твой этот драйвер, любер или как его там – любовник. На высоту подкидывает, так что обратно падать неохота. К тому же любовь. Но голь, ни хрена за душой. Так что? Нормальная ситуация. Все мужья от законных гуляют. А законные от мужей. Что тут такого? Попадаться только не надо.

– Кому попадаться? – горько усмехнулась Тутси.

– Ни тому, ни тому. На кой терять? Лучше двух... маток сосать, – она игриво подмигнула. – С одним денежные радости, с другим... А где они, твои мужики, повстречаться могут? Нигде. Гор по Арбату не гуляет, домашней хаты не знает, а драйвер в «Националь» не ходит, как я поняла, для него общепит – стекляшка – высший кайф. Вот и лавируй. У тебя рабочий день ненормированный, всегда распределишь. Да и увидит он Гора, скажешь: это, мол, дядечка из Конотопа или отцов сослуживец, благо ему сто лет...

– Ну уж...

– Да хоть полсотни. А увидит тебя Гор с твоим – брат из Конотопа, сослуживец, мало ли чего. А вот знакомить их не надо.

– Что я, чокнулась? Ты уж совсем меня считаешь...

– Да ничего я не считаю. Говорю, обоих и сохраняй, каждый для своего дела. – Рита помолчала. – Да и остальных... Жить-то надо. К чему профессию забывать. – Она внимательно

поглядела на свою взгрустнувшую подругу, смягчилась: – Пойми, надо, когда с одним, о другом не думать. А что приходят, кто придется, так такая работа. Жить-то надо, – повторила она, снова помолчала и закончила назидательно: – Жить и не попадаться – ни тому, ни другому, ни ментухе, ни дружинам, ни этим спидерастам, ни венерикам. А то обложили кругом, – добавила Рита со вздохом.

Эта душеспасительная беседа внесла в мятушуюся душу Тутси некоторое успокоение.

Действительно! А если б она была замужем? Хоть за тем лопухом, за которым была? Неужто без любовников жила! Прямо! Конечно, Гор не лопух, но ведь и не законный муж. Прав-то у него никаких. Ну узнает, ну бросит – найдет другого. Хуже, если бросит Игорь, но откуда он может узнать? Уж больно далеки друг от друга эти миры, в которых они обретаются. Тут никакие фантастические книжки не помогут. Что касается всех остальных, то правильно Ритка говорит – работа есть работа. Может, и не всегда приятная, так что поделаешь? Вон у какого-нибудь, который трупы в морге режет, или у этих, что алкоголиков в вытрезвителе стирают, да у тех же санитарок, что горшки выносят, – лучше, что ли? Кстати, Ритка санитаркой в больнице значится, даром что той старухе, которая за нее горбатится, вторую зарплату отстегивает.

Все эти наполненные железной логикой рассуждения помогали, да не очень. С Игорем она забывала обо всем, а вот с другими Игоря забыть не могла. И пока, сопя и стена, суетился очередной партнер, она, зажмурив глаза, думала об Игоре. Так ей было легче. Может быть, другая на ее месте вообще не смогла бы совмещать. Ну а вот она может, нет у нее сил от чего-то одного отказаться. Ну что вы все от нее хотите! Идите-ка вы подальше!

Дни текли по-прежнему. Игорь едва успевал – и «Гармония», и «Ракета», и работа. Так что дай бог два-три раза вырваться к Наташе, обычно в воскресенье или в субботу. Тем более что по вечерам она частенько допоздна задерживалась в своем бюро переводов, где были всякие словари, дисплеи, еще какая-то чертовщина, нужная для работы. Что ж делать – ей тоже нужно зарабатывать на жизнь, Игорь это понимал. Тем более что, судя по ее туалетам, зарабатывала Наташа своими переводами дай бог!

Напряженка со временем у Тутси действительно была: вечером, а частенько и ночью, – работа, сон до полудня, а иной раз и позже, встречи с Гором и Игорем. Голова шла кругом.

Гор, человек с огромным жизненным опытом и обостренной наблюдательностью, заметил, разумеется, не только, как он выразился, «возросшее изящество» ее фигуры, но и кое-что еще.

Даже в самые интимные минуты он порой чувствовал, что Тутси где-то далеко. Она вообще стала чуть холодней, вернее, равнодушной. Ну как жена на десятом году супружеской жизни. Да и во время их бесед, которые обычно так увлекали Тутси, она вдруг становилась рассеянной, уносилась куда-то мыслями. Но быть может, все это ему только казалось? Быть может, хоть и не десять лет они знакомы, но все же пропала острота новизны? Да в конце концов какое это вообще имеет значение? Кто она ему? Таких, как Тутси, были у него десятки, во многих странах. Но Тутси ему действительно очень нравилась. Ему льстило, что эта необычайно красивая молодая женщина искренне им восхищалась, что всегда была безотказна и всегда для него, Гора, свободна.

А вот теперь она куда-то уходила, даже когда была совсем рядом. Да и дома, сколько ни звони в обычный «их» день, воскресенье, телефон молчал. Где она была? Куда исчезла? Конечно, Тутси всегда оправдывалась: бассейн, рождение подруги (это днем-то!), еще что-то. Гор делал вид, что верил, не в его правилах требовать ответа, тем более ревновать. И все же, и все же... Как ни странно, это порой беспокоило Гора.

Но, в конце концов, главным была работа. А ее хватало. За прошедший год благодаря своему обаянию, остроумию, умению сходить с людьми он заимел в Москве обширные связи как среди своих коллег – иностранных журналистов, так и с «аборигенами» – советскими людьми

из мира литературы, науки, искусства. Он обладал необходимым для корреспондента нюхом на сенсации и тактом, чтобы отличить сенсацию подлинную от дешевой. Его газета имела и в мире, и в Советском Союзе хорошую репутацию, была объективной и копать в грязи своего посланца не принуждала. Гора ценили за знания, опыт, за острое перо. Его репортажи отличались глубиной, полнотой и объективностью. Он много поездил, имел в журналистике имя, его охотно печатали; такого корреспондента не так-то просто было заполучить. Так что редактор газеты дорожил Гором и оказывал ему полное доверие. И Гор это доверие ни разу не обманул.

Он писал больше об искусстве, культуре, общественной жизни, о Москве и москвичах. В политику особенно не лез (что соответствовало традициям газеты). Правда, в последнее время обойтись без корреспонденций на внутренние темы стало невозможно, но поскольку советская пресса в основном писала о недостатках в собственной стране, то его даже самые критические репортажи были не очень-то заметны.

Как сказал один из его коллег: «В России теперь для критики открыты все области и все люди. Нельзя только критиковать за границу. Критиковать можно даже министров и членов ЦК, а вот Буша и Солженицына – ни-ни!»

Министров и членов ЦК Гор не критиковал, а просто посылал материалы о том, что происходит, например, в Союзе писателей, в театрах, в разных неформальных объединениях, в Прибалтике. И поскольку он действительно был великолепным журналистом, то все его корреспонденции, по существу представлявшие собой выдержки из советских газет и журналов, выглядели им самим добытыми откровениями. Добытыми благодаря его профессионализму. Редактор был доволен. Гор – тоже.

Гор прожил насыщенную событиями жизнь. «Почему “прожил”! – возмущался он, когда кто-нибудь так говорил. – Живу, живу! Надеюсь, что прожил лишь первую половину». Но этой половины хватило бы другому на две жизни.

Гор (что безуспешно стремилась выяснить Тутси) был женат. Точнее, не был разведен. На родине остались вторая жена и дочь, которым он регулярно переводил положенное содержание и которых не видел добрый десяток лет. В другой стране обреталась первая жена. Ту он заимел в ранней молодости и о ней вообще ничего не знал.

Гор расстался с родителями – скучными, мелкими лавочниками – еще мальчишкой, поколесил по стране. Даже отсидел годик за мелкое воровство, недолго был профессиональным спортсменом, курьером, боем в отеле. Накопив денег, взялся за ум. Окончил университет, тогда же начал писать в университетскую газету. Его заметили, взяли в какой-то вскоре обанкротившийся журнал. Но он успел опубликовать в нем серию судебных репортажей, которые привлекли внимание читателей. Без работы он не остался. Та самая солидная газета, в которой он теперь служил, взяла его разъездным корреспондентом, не побоявшись его молодого возраста.

Вот тогда-то и начались эти бесчисленные мотания по свету. Он объездил всю Африку, Ближний Восток, Южную Америку, слал свои корреспонденции из самых горячих точек мира, где происходили мятежи, перевороты, раскрывались заговоры. Гор приобретал репутацию смелого, энергичного журналиста.

С годами менялись страны, задания. Он работал на Кубе, в Китае, в Польше, в ЮАР. Стал писать солидные статьи, обзоры, переключился на культуру и внутреннюю жизнь стран. Гор начал работать не только для газеты, но и для издательств, телевидения, двух-трех рекламных бюро. Он продолжал разъезжать (теперь слово «мотаться» уже не подходило) по свету, и вот год, как обосновался в СССР.

Гор был доволен жизнью. Он прекрасно зарабатывал, и дома, в банке, у него лежал солидный капитал. Хозяева его ценили. Он любил свою работу.

В одном из московских высоких, светлого кирпича домов газета снимала для Гора многокомнатную квартиру – здесь он жил, здесь же был и корпункт. Штат его сотрудников состоял из

одного человека – немолодой секретарши (наверняка агент КГБ, только вот в каком звании?), которую ему рекомендовали в Управлении по обслуживанию дипломатического корпуса. Эта молчаливая незаметная женщина показала себя отличным работником. Она никогда не опаздывала, засиживалась, если нужно, допоздна, работала (за дополнительную плату, конечно) и по субботам. Она знала три языка, аккуратно печатала на машинке, быстро овладела телексом и телефаксом.

Секретарша просматривала без малого три десятка газет и журналов и за короткий срок научилась находить именно те материалы, которые нужны ее шефу. То, что Гор владел русским, очень облегчало дело. Он молниеносно проглядывал вырезки, отбирал необходимые и тут же диктовал свои корреспонденции. Секретарша стенографировала, перепечатывала и сама же переводила по телексу в газету. Корпункт был набит всякой ультрасовременной аппаратурой – видеоманитофонами, мощными приемниками, компьютерами, ксероксами, всякими записывающими приборами, какими-то хитрыми электронными мозгами... Были картотеки, архивы, справочники, словари, – все это в образцовом порядке содержала секретарша.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.